

Алексей Провоторов

ГРАН-ПРИ
ПРЕМИИ

Рукопись года

КОСТЯНОЙ

Алексей Провоторов Костяной

Серия «Дети Великого Шторма (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70295665
Костяной / Алексей Провоторов: АСТ; Москва; 2024
ISBN 978-5-17-160783-8

Аннотация

Колдовство всегда имеет свою цену. Благие у тебя цели или худые, даром не обойдется.

Ищешь ли ты способ допросить мертвую изуверку, открыть загадочный холодный ларец, выяснить, кто делает таблетки из людей, призвать к ответу ведьму с собачьим языком?

Придется рассчитаться за это, где бы ты ни был.

В чаще на костях, где павшие в давней битве не могут улежать в земле, на болотах, где плотоядные цветы служат орудиями казни; за краем карты, где написано «сие – тварям», на пепелище алхимической фабрики, под расколотой, грозовой, плесневелой луной.

Стоило оно того? Узнаешь, когда рассчитаешься.

Содержание

Фемур	6
Эффект дефекта	41
К Зверю	79
Доли	111
Конец ознакомительного фрагмента.	135

КОСТЯНОЙ

Алексей Провоторов
Костяной

Дети Великого Шторма

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА АСТ

© Алексей Провоторов, текст, иллюстрация, 2024

© ООО «Издательство АСТ», 2024

Фемур

Я не думал, что запахи могут сниться, но тяжелый дух болота приходит во сне иногда, накатывает сквозь темноту.

Вслед за ним проступают картины, словно всплывают из-под темной воды: мутное, зеленоватое солнце, глянцеви́тый жирный отблеск на неподвижной глади и, сквозь ветви, – горбатые, шипастые силуэты зарослей. Это от них тянет сладостью в полном безветрии, это от них у меня кружится голова.

Я будто проваливаюсь куда-то и просыпаюсь. Слава богам, на этом месте я всегда и просыпаюсь.

* * *

...Я понял, что почти добрался, когда увидел на сухом дереве собственное лицо.

На вылинявшей черно-белой листовке не было моего имени, только надпись, мол, разыскивается, да портрет.

Узкий подбородок, глубокие складки у рта, светлые волосы, спадающие на лоб, – рисовальщик знал свое дело. Даже островерхий черный капюшон был на месте.

Мне вдруг захотелось вынуть один из ржавых от сырости гвоздей и подкрасить рыжим глаза. В остальном лишенный

красок рисунок вполне соответствовал истине: я приложил руку рядом и убедился, что кожа моя такая же бесцветная, как и бумага.

Я никогда не собирался сюда снова, в этот влажный, отмеченный гниением край, где солнце вечно захлебывается в густом мареве; где луна кажется больной, красноватая, как воспаленная плоть.

Но гномам нужен был конь, а мне – Мерна, и теперь мой путь снова лежал через болота, как будто я ехал-ехал да и приехал в свой кошмар.

Конь – не тот, которого требовал заказчик, а тот, на котором я покинул конюшни Хорнбори, – ступал по пустой дороге, и в полукружьях следов сразу же проступала вода. Я покачивался в седле, размышляя о том, что иногда у дурных мест есть своя прелесть. У всех этих диких чащ, где спят чудовища. У смрадных, усеянных костями тропинок людоедов. У заброшенных узилищ, где призраки ночами собираются, чтобы выдернуть из окаменевшей плахи изъеденный столетиями топор и снова разыграть истории своих казней.

Когда нужно, чтобы люди не замечали тебя, не видели, как ты едешь через их земли, не спрашивали, чего ты здесь рыщешь, лучше дорог не найти. Я понимал это, но все равно мне не было покоя.

Кроме серых стволов умершего леса вокруг виднелось лишь марево, которое запуталось в сухостое, и ядовитая зелень – трава ли, растущая на тверди земной, или ряска над

темной торфяной трясинной.

Эта земля звалась Гемода. Однажды я едва не был здесь казнен.

Мы приближались к месту моего позора, моего падения, от которого меня спасло лишь суеверие палачей. Запах болот, гнилой и сладкий, сгущался, накрывал с головой, как дурной сон, как маслянистая волна, из которой не знаешь, вынырнешь ли.

Здесь сестра моя угодила в неволю, а Наин, невезучий наш подельник, поплатился жизнью. Властитель Гемоды не вешал преступников на белесых сухих ветвях и не топил в теплой смрадной воде бесконечных болот.

Здесь вся плоть доставалась траве и цветам.

Я придержал своего коня, огляделся. Почти добрались.

Вообще-то этот конь, мышастый и резвый, мне не принадлежал, и я успел забыть, как его зовут, но пока он исправно нес меня вперед, чем полностью устраивал. В конце концов, я любого коня мог уболтать слушаться, за то мне и платили.

Я не обещал вернуть его Хорнбори. Он, в свою очередь, согласился считать это допустимыми потерями, чего я от прижимистого гномьего племени даже не ожидал.

Спустя полтысячи шагов мы свернули вправо, под арку влажной листвы и потрепанных ветвей. Я вспомнил, как Наин хватался за эти ветви, как орал и сыпал проклятиями, и содрогнулся.

Конь вынес меня на полукруглую поляну у берега болота.

Меня мороз продрал по коже, хотя стояла духота. Я чуть не повернул прочь оттуда.

Повсюду были кости. Кости старые, белые до прозрачности, губчатые, словно вытравленные; кости чистые, вымытые дождями, и свежие, в розовой стекленеющей слизи. Кости замшелые, зеленые, будто родились из недр вместе с первыми камнями, на заре мира; и кости эльфов, похожие на мрамор и стекло, на лунный камень или хрусталь.

Кости и цветы.

Не мелкие белые звезды, пробившиеся во мху, не красные неизвестные цветки, проросшие на редких солнечных пятнах, словно неведомый гигант здесь сплюнул кровью на болезненно яркую траву.

А плотоядные цветы Гемоды, исчадия диких болот.

К ним приводили преступников на казнь, и, судя по костям, не первую сотню лет.

Этих цветов с десятков росло по краю поляны, у топкой кромки, где пленку ряски испарывали старые склизкие коряги.

Мясистые зеленые стебли; выгнутые, словно перевернутые лодки, зеленые кожистые листья с красными, как сосуды, прожилками. И пасти, багряные пасти, полные волосков с мутными, как сукровица, каплями на игольно тонких концах. Обманчиво мягкие на вид, иглы протыкали кожу и плоть, сок попадал в кровь, в мякоть, медленно растворяя несчастное существо изнутри, а жертва глухо кричала, исте-

кая собственным телом, чтобы цветок мог выпить его и выплюнуть кости.

Я видел это. Слышал это. И едва избегнул сам.

...Я надеялся, что не зря роюсь в осклизлых костях, что прах менее везучих не зря хрустит под моими сапогами, подбитыми железом. Я не хотел тревожить мертвых, обычно от этого больше бед, чем проку, но в этот раз я точно знал, что искать, где искать. Я знал, какой цветок пожрал беднягу Наина. Знал, какой ключ украл Наин. И знал, что перед тем, как нас всех схватили всадники, зажав в кольцо, Наин проглотил его, надеясь на благополучный исход.

Но исход выдался иной, и темный бронзовый ключ оставался в его нутре тогда, когда ловушка захлопнулась, и Наин начал кричать от боли и ужаса.

Он был еще во чреве, когда гном кричать закончил. Когда мою сестру увели, а меня замкнули в кандалы, вывернув руки, и привязали к коню, за которым гнали тычками до самой северной границы.

Костей было тут так много, что они теряли мрачную значительность. Вот фаланги, вот лучевая кость,

на ней – след давнего перелома. Выбеленный череп, берцовая кость, серебряная цепочка, оплывшая, истончившаяся; потемневшая стальная пряжка, окисленный, никого не спасший дешевый нож.

Кости.

Липкий сок.

Железо и медь.

Запах разложения, дыхание цветов.

Кости, кости, кости.

И маленький бронзовый ключ.

Я с великой осторожностью ухватил его и медленно разогнулся, выпрямив затекшие ноги.

Вот оно, сокровище. Побывав во чреве беглеца, в кровавой каше растворяемого трупа и в пасти чудовища, оно оказалось в моей руке. Тайная копия, которой не должно существовать.

Я открыл фляжку, вымыл ключ и вытер краем плаща. Потом спрятал.

– Пора выбираться отсюда, как там тебя, – сказал я коню, забираясь в седло, просто чтобы стряхнуть с себя липкую тишину этого места.

Я так и не вспомнил, как звали жеребца. Каури?.. Хмугин?.. Что-то такое, гномье. Это было неважно, пока он нес меня вперед.

Вскоре Гемода осталась позади, земля стала суше, воздух – прохладнее и чище. Я дышал полной грудью, хватал встречный ветер ртом, все ради того, чтобы выветрить из себя противный, как привкус солодки, запах грязи, крови и испарений.

Мне оставалось только держаться в седле, натянув капюшон поглубже, и вспоминать, как все начиналось.

– ...Как так вышло, что ты пешком-то? – спросил Хорнбори. Он стоял на каменных ступенях, прислонившись к дубу, и смотрел сверху вниз. Дуб ронял на меня листья.

Мелкий, как все гномы, которых под мешковатыми нарядами да бородой и видеть-то нечего, птичьи кости. Лишенный необходимости кайловать в подземельях, Хорнбори так и не раздался в плечах, как многие его сородичи, но и пуза не наел еще, хоть и начал. Он носил островерхую серебряную шапку, был голенаст и головаст, имел довольную морду и исколотые шилом, короткие, но ловкие пальцы.

– Так ты уже спер всех в округе, – по возможности беззлобно ответил я. Гаденыш, ростом мне едва до пояса, а стоит по-хозяйски и в пещеры, конечно, пускать не собирается – тяжелые каменные створки за его спиной сдвинуты, так что и волос не войдет.

– Ну я видал сапожника, который ходил босиком, но чтоб брат-конокрад пешком шастал да еще пешком же и наниматься приходил?

– Ты-то что ли на золотом коне раскатываешь, Бори? – спросил я.

Хорнбори держал мастерскую и сам отлично управлялся иглой и шилом, делая сбрую для ворованных коней, которых здесь под его началом перековывали, ставили под новые сед-

ла, стригли, перекрашивали, если надо, переучивали, меняя до неузнаваемости, прежде чем продать новым хозяевам.

Дорогих, хороших, редких коней. И конокрады, и мастера у Хорнбори были что надо, да и с любой животиной редко кто ладил лучше, чем гномы.

Разве что я.

– Мне конь ни к чему, – буркнул гном. – Трубку будешь?

– Нет, забочусь о цвете лица.

Гном хохотнул.

– Как дела вообще? – спросил он.

– То дыряво, то коряво. Ты и сам слышал, если лишнего не наплели. А у вас?

– Заказы есть, – уклончиво ответил гном. – Так говори, чего пожаловал? А я послушаю. А то про тебя и правда разное болтают.

– Вот правду говорят – мал цверг, а смотрит вверх, – сказал я.

– Еще раз назовешь меня цвергом, – ответил он, – и я вычту это из твоей награды, по золотому за каждый отвратительный, паскудный звук.

Он искривил лицо как-то так, что я даже названия не смог придумать для этой гримасы.

Нелюдь, одно слово.

Я поскреб в затылке через ткань капюшона.

– Лады, Бори, я думал это просто пословица.

– Я давно замечал, что вам, людям, доставляет какое-то

извращенное удовольствие сокращать имена. Ладно, Альбин, ближе к делу.

– Говорят, тебе заказали Фемура?

Хорнбори разгладил лицо, потер круглый нос.

– Есть такое, как ни странно. Но от этого дела все отказались, сам знаешь. Если знаешь про заказ, то и про отказ.

– Я только не понял, почему твои-то парни не взялись.

– Ведьмин же конь, я своих под дурное колдовство подставлять не хочу. Нас оно быстро ломает. Вон, – Хорнбори сплюнул в сторону, – Кровожадный, что в Козьей чаще, говорят, тоже когда-то гномом был, а колдовство его погубило.

– А я думал, он просто какая-то тварь с болот.

– Вроде он служил Бетони, когда она была молода и красива; он и шестеро братьев. Потом сам решил колдовать, а стал чудищем.

– Ладно, не о нем речь. Я могу достать тебе Фемура, Бори. Кроме шуток.

– Да ну, Альбин. Если ты от безысходности...

– Бори, ты хорошо знаешь, за что меня нанимают.

– Знаю. Тебя, говорят, вообще любой конь слушается? – спросил Хорнбори.

– Не любой, – ответил я. – Но Фемура приведу.

– Вот скажи мне, Альбин... Видок у тебя так себе, краше кольями забивали. Говорят, что ты подменишь, и что колдун и потому сестру свою ведьме продал, что в Гемоде ты своих сдал и тем выкрутился. С чего мне тебе верить?

– С того, что я не требую предоплаты.

– Резонно. Но гораздо более известные ребята отказывались.

– Значит, у гораздо более известных ребят не было способа, Хорнбори.

– Ладно, свои способы оставь себе. – Хорнбори помолчал, потом поворчал. – Но как ты снюхался с паскудой Наином?

– Наин сам нашел нас с Мерной. Как вы с ним поцапались из-за вашей девицы, – да не смотри на меня так, все знают, что у вас в пещере гномка живет, – он решил, что и сам может делом заняться.

Хорнбори презрительно фыркнул.

– А мы как раз пытались стянуть кобылу у Дага, хозяина Гемоды, – продолжал я. – Ты знаешь, говорят, он поймал ее в реке, и она умеет нырять и плавать не хуже выдры. Интересный экземпляр. Ну Мерна Дага окрутила, он уже считай разрешил ей взять кобылу покататься, но тут нас кто-то сдал. Всех загнали к болоту и повязали как кроликов.

– Жуть, Альбин, жуть.

– Мерну отдали ведьме, ну а Наин... сам знаешь, как оно в Гемоде. Мне смрад болота снится до сих пор. Как будто я не сплю, будто я еще там, только закрыл глаза.

– Так ты-то как остался цел?

– Понятно как. Это ж мою сестру отдали Бетони, а родичей жертвы они, как оказалось, не казнят, поверье у них такое. Как бы чего не вышло. Так что я просто получил по

бледной морде.

– Да уж, рожа у тебя того. А вот сестра твоя красавица. – Хорнбори смолк, видимо, сообразив, что сыплет соль мне на рану.

– Ты думаешь, я знаю, как оно так получилось? – Я взглянул на свою белую руку с бесцветными ногтями. – Говорят, мать просила второго ребенка, чтоб было кому защищать сестру. Пусть младшего, но брата. Не знаю, у кого просила, но вот он я. Видно, сделан из чего пришлось, краски и не хватило. – Я невесело усмехнулся.

Хорнбори еще помолчал. Потом спросил:

– Так ты хочешь украсть Фемура из мести?

– Да. И хочу попасть туда на разведку.

– А ты молодец, Альбин. Иные бросили бы это дело.

– Не могу, Бори. У меня никого нет, кроме нее.

– А что Мадок, тот парень в железе, что за ней ухлестывал? Говорят, он пытался ее искать в лесах за рекой, надеялся найти хрустальный гроб.

– Если б это было так легко, Бори. Видно, бросил он это дело, я про него ничего не слышал с весны. И славно.

– Недолюбливаешь ты его.

– Терпеть не могу. Железный баран. Ладно, ну его. Так что там с Фемуром? Говорят, он из любой беды может вынести, потому Бетони и не словили ни разу. Из-за этого его и заказали, ага?

– Ага.

– Может, мне его себе забрать?..

– Ну-ну. И долго же ты на нем проездишь?

– Так из любой же, Бори? Кто меня-то поймает?

Пришла его очередь скрести в затылке.

– Ладно, – усмехнулся я. – Он твой. Перековывай, крась, стриги, закапывай сок в глаза, что вы еще там делаете с бедными животинами. И пусть твоя красавица раскрасит его хоть в клеточку, – добавил я как бы невзначай. Я знал, как сильно гномы берегли своих немногочисленных дев.

– Про красавицу Наин наплел? Она точно не про твою честь. Ты же знаешь, что наши девицы... кхм... бородаты.

Я улыбнулся и промолчал.

Про гномок, или гномид, и правда говорили разное: молва наделяла их бородами и бакенбардами; находились шутники, заявлявшие, что у гномов и женщин-то нет и им все едино, но то были слухи шумные и веселые. Другие же, редкие, сказанные шепотом, утверждали, что гномиды сказочно красивы.

И Наин проговорился как-то о том же.

Я задумался об этом. Какая она, добровольная затворница? Обычная толстушка-простушка, жуткая деваха с бородой или миниатюрная красуля с талией в две пяди обхватом?

Меня снедало любопытство. Не праздное.

...Мы поговорили еще об условиях и цене, а потом попрощались, как только гном выделил мне коня. Солнце едва выкатилось на середину неба.

– Думаю, к рассвету управлюсь, – сказал я напоследок. –

А нет – подожди еще день.

– Ты уж постарайся, Альбин.

– Будь уверен.

Я попрощался и тронул коня. И не оборачивался, пока не выехал из урочища, да и потом тоже.

* * *

...Солнце садилось или уже село, когда мы миновали остов огромного сломанного дерева. Гигантский, пятиобхватный пень высился у дороги; мы проехали у его корней, под единственной оставшейся ветвью, которая протянулась над нами, как рука.

Кто-то сидел на этой ветви, недвижимый, худой и черный, но я увидел это слишком поздно, потому что на беду погрузился в мысли слишком глубоко.

Он пошевелился только тогда, когда конь шагнул под ветвь. Я заметил движение, но длинные, черные пальцы его ног уже сжались вокруг моего горла, и у меня потемнело в глазах.

Конь продолжил шаг, седло начало выскользывать из-под меня, и я оказался, как повешенный в петле, в лапе этой твари. К своему ужасу, я успел разглядеть достаточно и понял, кто схватил меня на закате.

Кровожадный, не имеющей имени.

Я как мог уцепился мысками сапог за стремяна. Меч никак не выдергивался, тело переставало слушаться предательски быстро.

Внизу, где-то в другом мире, заржал конь, резко дернулся вперед, мир пошатнулся, и земля ударила меня и вышибла весь дух.

Если бы я потерял сознание, то уже не очнулся бы.

Когда он успел спрыгнуть и схватить моего коня, я не видел. Но теперь Кровожадный держал его за поводья и тащил в моем направлении. Я видел уroda вверх ногами, запрокинув голову и пытаюсь опереться на локти, и выглядел он нехорошо.

Он наступил мне на грудь, невероятно худой, тонкий, тяжелый, словно вырезанный из железного дерева. Мне показалось, что у него разбита голова, и на мгновение я обрадовался, потом понял, что ошибся.

Я плохо видел в этих сумерках, но – ох, он был страшен. Мой конь пятился и косился, ржал и хрипел, упирался так, что копыта взрывали землю, но без толку.

Кровожадный же стоял, прижимая меня лапой, тощий, низкорослый, неестественно длиннорукий. На голове у него болталась грязная красная шапка, которую я сначала принял за кровь. Клыки выпирали изо рта, глаза отсвечивали желтым.

– Уйди, тварь, – сказал я, пытаюсь лежа ударить его мечом.

– Меня не одолеть таким скверным железом, – заскрипел

он.

– Его ковали гномы!

– Врешь! Я вижу это по глазам.

Проклятое отродье. Он говорил правду, а я – нет.

Он сгреб мой меч пальцами ноги прямо за лезвие и забросил его в лес. Я слышал, как он тяжело стукнулся там обо что-то.

– Отпусти, – закричал я. – И я приведу вместо себя коня!

– Конь у меня и так есть, – ответил он.

– Еще одного! Мною ты не наешься! А конь – больше чем человек!

– Да, – согласился он.

– Отпусти меня сейчас, попируешь позже!

– А ты не врешь?

– Нет, – ответил я. – Загляни мне в глаза.

И он заглянул.

Возможно, когда-то он походил на человека, но теперь казалось, что под кожей его череп раздроблен, вмят внутрь, и голова высохла, уменьшившись в размерах. В глазах его пылал голод, и я подумал, что он не будет

слушать меня, а просто разорвет мне горло, но ужасная голова его наконец отодвинулась.

– Хорошо, человек; я буду ждать тебя и твоего коня. А теперь иди и возвращайся!

Он убрал ногу и отступил, как-то сразу потерявшись в сумраке.

Я поднялся, отряхнул пыль, с ужасом глядя в глаза коня, который рвался, как на цепи, но ничего не мог сделать. Он ронял пену и ржал умоляюще.

Я отвернулся и ушел, чего бы ни стоило мне отвернуться и уйти. Хотя крик коня еще долго стоял у меня в ушах; куда дольше, чем я на самом деле мог его слышать.

... Я вспомнил, как его звали. Хотя это уже не имело значения.

* * *

Хуже всего, что я не лгал этой твари. Я собирался вернуться верхом на Фемуре, которого вызвался похитить; потому что других дорог здесь не было, а ждать до утра рискованно – еще ведьма нагонит.

Река текла совсем близко, и, будь у меня лодка, я бы мог добраться до ведьминога дома по воде. Если б, конечно, меня не съела рыба Маль, которая, по слухам, иногда проглатывала и плоскодонки вместе с рыбаками. Говорили также, что Маль – это сама Бетони и есть, что старая ведьма прыгает в реку прямо из дому, перевернувшись через голову и сказав особое слово.

Когда дорога выскочила на простор, луна уже показалась из-за марева, выплыла на чистое небо. Сегодня ночь была рогата, острые края месяца кололи небосвод. Птицы молчали, только где-то далеко мерно ухала сова.

Стояло безмолвие, безветрие, ни один лист не шевелился, словно ночь залили чистейшим стеклом. Белые цветы начинали раскрываться в этот час.

Я увидел дом ведьмы над рекой, увидел дым из трубы. Он был не белесым, а темно-серым, тяжелым, не тек, а ворочался, напоминая корчи какого-то завернутого в темный мешок существа.

Дом являл собою корму старого и большого речного корабля, видно, налетевшего когда-то на камни в этих местах. Кто-то достроил развалины, соорудив странный, диковатый особняк, к тому же и с мельничным колесом. Река текла лениво, колесо медленно, замораживающе хлопало по воде. Колесо и дым, больше ничего не двигалось в этой картине.

Я еще раз нащупал ключ, пожалел о потере меча, сжал и разжал кулаки несколько раз. Я нервничал.

Тут обитала Бетони, сидела на этом месте, по рассказам, вот уж три сотни лет, почти никуда не выбираясь. Гадала, колдовала, указывала на сокровища, насылала проклятия, наводила страх, принимала подношения, а еще питалась девичьей красотой, и только потому от старости не рассыпалась в прах. За эти века ее пытались и сжечь, и утопить, да только никакого вреда ей так и не сделали.

Со временем от Бетони отступились, хотя и обращаться к ней стали реже. Говорили, что у нее дома не одолеет ее никакая сила, а из своих краев выбиралась она редко, на Фемуре, бледном жеребце с подпалинами, конечно же, зачарованном,

чтоб выносил ездока из любых переделок.

Я направился к дому. Мои сапоги топтали белые цветы. Холод гладил меня по спине, словно утопленница, и плащ не мог помочь; это был холод страха, озноб не извне, а во мне самом. Да, мне не хватало ощущения меча на боку, но мои проблемы нельзя было решить мечом. Даже Мадок, видно, отступился.

А я – нет.

Я подошел совсем близко и, пачкая ладони о сожженную молнией сосну, смотрел на дом, который оказался очень большим. Я даже не мог понять, каких лет постройки этот корабль, и чей? Заблудившихся северян, эльфов?

Эх, сестричка, что ж ты так. Зачем связалась со мной, зачем не остригла свои длинные каштановые волосы с чуть загнутыми концами прядей, по которым всегда ходили медные блики? Зачем не получила шрама через щеку, не заболела оспой?.. Да простят меня боги, что я такое говорю, но, если б не твоя красота, сестра, ты была бы сейчас свободна.

Хотя, конечно, именно она спасла тебя в Гемоде, но она и привела туда.

Где бы ты ни лежала в своем хрустальном ложе, где бы в диком лесу Бетони ни скрыла тебя, подвесив на цепях прозрачную домовину, я еще вернусь.

...Я собирался уже метнуться к дому, когда сам собой качнулся над входом старый корабельный фонарь, мигнул пару раз и зажегся. Дверь, прорезанная в замшелой обшивке кор-

мы, закрипела, открылась, и на свет луны явилась Бетони.

Я смотрел на нее и не мог представить, что когда-то она была молодой. Может быть красавицей, может – дурнушкой, но когда-то ведь была? Она казалась древней, как некая злая реликвия, как окаменелость, ископаемая статуя.

Она стояла, одетая в черное с белым и алым. Высокая, сторбленная, как гигантское насекомое. Ее суставы скрипели, когда она шевелила руками, и от этого что-то сжималось у меня в горле.

Но хуже всего было ее лицо. Кожа болталась на черепе, как серый, перепачканный мешок – пятнистая, дряблая и очень ветхая. Она далеко свешивалась с вытянутой челюсти, губы съехали куда-то под подбородок, прорези глаз спустились едва ли не на щеки, и из тьмы поблескивали только кривые полумесяцы белков. Не думаю, что она видела что-то, разве что сквозь кожу. Чудовищный хобот собственного лица никак не подчинялся ей; и на висках, вдоль линии волос, ушей, на челюсти у шеи кожа была пробита, вставлены металлические кольца и продет витой черный кожаный шнур. Как шнуровка на корсете, подумал я. Видимо, она могла натянуть кожу на лице, когда это требовалось, и затянуть узел где-то на затылке под волосами. Они-то у нее еще росли; основа силы любой ведьмы. Среди черного я увидел несколько седых прядей и несколько рыжих.

Это ужаснуло меня. Я почти точно мог сказать, когда ее волосы порыжели. Чья красота, которую она пила вместе с

кровью, дала ей это.

Ох, Мерна.

Меня даже затошнило. Если бы при мне был меч, я бы, наверное, выскочил из-за дерева и попытался бы снести эту страшную голову с костлявых, широких плеч.

Но победить ведьму у нее дома не удавалось еще никому. И даже убей я ее, я никогда не нашел бы сестру – никакая ведьма не будет хранить источник своей молодости вблизи от дома, чтоб не потревожить колдовской сон. Древний лес, пещера, подводный грот – в каком-то из таких мест спит моя красавица сестра. И иногда, в случайный день, случайный час, ведьма отправляется туда, чтобы напиться крови, а вместе с ней – красоты и жизни. И протянуть еще какое-то время. А потом еще. И еще.

Поздно я узнал, что та скотина, хозяин Гемоды, раз в три года платит Бетони, отдавая ей какую-нибудь девку посимпатичнее. Иначе я никогда не подпустил бы к нему Мерну.

Я пытался выследить ведьму, но не получалось. То ли Бетони улетала с печным дымом, то ли уходила под землей, то ли рыбой Маль уплывала по реке; а может, чуяла чье-то присутствие и никуда не ездила, я не знал.

Я стоял и смотрел на ведьму, выжидая момент, когда мне можно будет выйти.

И когда он настал, я забрал Фемура из ведьминых конюшен. Двери открылись без скрипа, и конь не заржал.

Я всегда мог поладить с конем.

Луна уже падала за горизонт, краснела, как остывающая болванка; две звезды, одна за другой, скатились к западу наискосок.

Фемур оказался быстрым конем, и бесшумным тоже. Светло-серый, в едва заметных яблоках, с короткой гривой и скромным хвостом, он летел, как точно выпущенная стрела. Видно, застоявшись, радовался скачке. Не знаю, любил ли он свою прежнюю хозяйку; да я и не думал об этом под догорающей луной.

Один раз мне послышался далекий вой. Потом – чуть ближе.

Я надвинул капюшон. Как бы ведьма не снарядила погоду.

По обочинам деревья-мертвецы вставали из неглубокой воды, черные и покрытые светящимися пятнами. Бело-голубой свет отражался в глади, по которой иногда пробежала рябь. Потом вода отступила, но свет не исчез. Меж трухлых стволов летали бледно-зеленые точки ночных насекомых; перемигивались у лысых древесных вершин еще какие-то огни.

Зрелище это почему-то наполняло сердце тоской, но не темной, а светлой. Хотелось верить, что самые лучшие, яркие моменты моей жизни были хоть чем-то бо́льшим, чем

светящаяся гниль на трухлой тверди; хотелось, да не могло.

Вскоре мне послышался какой-то посторонний звук. Кажется, позади. Но как я ни поворачивал голову, расслышать получше не получалось. Я даже снял капюшон, потом велел Фемуре ступать помедленнее.

Потом остановился, чтобы прислушаться.

Так и есть.

Я спешил, отошел на обочину, за деревья. Вгляделся в темноту.

На дереве рядом открыла глаза птица, бесшумно снялась с дерева и так же бесшумно улетела, точно призрак. Сова.

Я опустил на колено и приложил ухо к земле.

Да, за нами, определенно, была погоня. Но не по лесу, а по дороге.

И намного ближе, чем я думал.

Я уже слышал топот напрямую, как и хриплое дыхание. Положил руку на пустые ножны. Эх, если бы я не слез с коня, я мог бы проверить, правду говорят о нем или врут.

Фемур заржал. Я метнулся к нему, подхватил увесистую палку с влажной палой листвы, и тут увидел это движение, темную тень и горящие глаза. Когда оно прыгнуло, за ними остались смазанные полосы.

Раздался рык в полный голос, короткий шум и почти человеческий крик коня.

Я выскочил на дорогу.

Они танцевали в неживом свете гниющего леса, бледный конь и тяжелый черный зверь с длинной мордой, словно волк, только огромный, едва ли не с коня ростом. По светлому плечу Фемура струилась синевато-черная в темноте кровь. В ней текущими полосами отражались светящиеся деревья.

Я бросился к ним, яростно крича, и взмахнул дубиной. Голубые огоньки пробежали по осклизлой древесине, и я чуть не выпустил оружие из рук.

Фемур отпрыгнул в мою сторону, зверь – в противоположную. Потом нагнул голову, припал на лапы и ощерился.

– Убирайся к Бетони! – заорал я во весь голос.

Какое-то мгновение я думал, что он нападет. Прыгнет на меня и положит конец этому длинному-длинному дню. Но он замешкался, и я вскочил в седло. Я боялся, у Фемура подогнется раненая нога и я полечу кубарем, но нет, он лишь раз оступился, прежде чем сорваться в галоп.

Мы бежали из тех мест как могли. Фемур вынес меня, и нас нагнал разве что тяжелый, дрожащий рык, который зверь бросил нам в спину.

* * *

Под пристальным взглядом звезд я чувствовал себя неуютно; лес по правую руку шуршал, скрипел, вздыхал, иногда окликал меня голосом совы, провожал взглядом бе-

лых глаз; ощупывал щелчками летучих мышей, дразнил горьким запахом желудей.

Коню моему становилось худо. Он шагал, запинаясь, сбиваясь на какой-то неуловимо другой способ переставлять конечности; я подумывал над выражением «идти рысью», и по спине начинали гулять мурашки. Фемур теперь двигался как хищник.

Кожа его натянулась на лопатках, живот раздулся на какое-то время, но быстро опал; шерсть начала было линять, потускнела и встала дыбом.

Изменился запах коня. От него теперь тянуло мускусом и мокрой псиной. Что-то с моим конем было не то.

Видно, существо, укусившее коня, оказалось оборотнем, и Фемур менялся прямо под седлом. Я гадал, не догнала ли нас тогда сама Бетони, обернувшаяся зверем?..

Ночь была на исходе. Мы приблизились уже к Козьей чаще.

Громко заскрипело дерево, я обернулся на звук, а когда повернулся обратно, на дороге стоял Кровожадный, протягивая ко мне чудовищно длинную руку. Меня бросило в жар от неожиданности. Его темную фигуру едва было видно в темноте, но от числа фаланг на пальцах меня как-то замутило.

И еще мне не понравилось, что Фемур остановился. Он же должен был выносить ездока из любой неприятности, разве нет?..

Страх инеем посыпался мне за воротник.

– Не обманул, – сказал Кровожадный. – Но что-то твой конь не слишком хорош. Пожалуй, я съем и тебя тоже.

Чудище продело когтистый палец в кольцо трензеля.

Фемур молча посмотрел на Кровожадного, потом сделал шаг навстречу. Открыл пасть, непомерно огромную, оголив раздутые десны, как влажный розовый клюв, со щелчком распахнул челюсти на невероятный угол и взял Кровожадного за голову острыми треугольными зубами, раздробив ее, как замотанный в рванину глиняный горшок.

Кровожадный дернулся только раз, всплеснул руками, а конь заглотил его в четыре укуса.

Я сидел, боясь шелохнуться. Но Фемур просто мотнул головой, морда его разгладилась, только глухо заурчало внутри. И мы поехали дальше как ни в чем не бывало.

У огромного пня он остановился, сунулся на обочину, мордой в лес. Зашел в темноту меж деревьев. Я уж думал, что он собрался охотиться, но тут что-то тускло блеснуло в темноте.

Фемур нашел мой меч.

Я поднял оружие, и мы вернулись на дорогу.

* * *

Под утро, в молочно-белом тумане, я остановился и осмотрел, коня, как мог.

Его била дрожь, иногда пробежала судорога, словно там, внутри него, под конской шкурой, ворочался зверь.

Я промыл его рану вином, потратив все, что у меня было, и, отрезав полосу от плаща, перевязал.

Я чудовищно вымотался и очень хотел спать. Есть тоже, но есть было нечего, а для сна ничего не требовалось, кроме дикой усталости и плоской земли. И то, и другое имелось, и я уснул через полминуты.

Проснулся скоро, от какого-то кошмара и голода.

Рядом нашлось озеро. Я сел на поваленное дерево, смастерил удочку – нить у меня была.

Мне удалось поймать рыбу, и я запек ее в глине. На какое-то время это сделало меня счастливым.

Позади, далеко-далеко, мне почудилось конское ржание. Я не хотел ни с кем встречаться и поспешил взобраться в седло.

Внешне Фемур уже вроде пришел в себя, только словно похудел, и мы продолжили путь.

...Наступало утро. Туман утекал в лес, прятался за деревья, уходил в землю до ночи. Тоскливо кричала где-то птица; может, у нее что-то не заладилось с утра. Лес стоял безмолвный, словно отвернулся от меня.

Мы ехали в этом тумане тихо, как призраки. Так же тихо с морды Фемура падала пена. Ему все-таки было нехорошо.

Я спустился в урочище, к пещере за каменной дверью. Спешился у ступеней. Пришла пора сделать последний шаг,

то, ради чего все это было. Прости, Мерна, я надеюсь, что ты простишь меня, но больше всего я надеюсь, что ты никогда не узнаешь.

Безучастное небо светлело над головой. Глаза коня отсвечивали белым, словно на дне их тлело слабое, неживое пламя; шерсть на загривке топорщилась, он был мокрым от тумана, но, как мне казалось, и от слабости тоже.

Я вынул из сумки, из темного холста, яблоко, бледное, как плоть под луной, и протянул его Фемуру.

Конь посмотрел на меня измученным взглядом и взял.

И тогда, убедившись, что он съел яблоко, не выплюнул, проглотил, я вытер липкие руки о плащ и приблизился к лестнице.

Где-то вдалеке мне снова послышался шум. Может, какой-то зверь бродил в чаще.

Я потянул за веревку, скрытую в ветвях, и, наверное, где-то в недрах пещеры раздался неслышный мне звон.

Камень расступился, и Хорнбори вышел ко мне, в серебряной шапке, в кожаном кузнечном переднике. Я знал, что за внешними каменными дверями есть и внутренние. Уж гномы умели основать неприступное логово. Мелкие, но рукастые недомерки. Я вот не могу соорудить ничего прочнее шалаша.

Хорнбори спустился ко мне и крепко поздоровался за руку. Я вдохнул и выдохнул как можно тише, закусил губу и тут же отпустил. У меня еще был шанс сделать шаг назад,

шанс сказать.

Но Мерна. Только ради тебя, сестра. Только. Пусть меня считают не совсем человеком, пусть я совершал преступления и едва не был за них казнен, но это – только ради тебя.

– Принимай товар, Хорнбори, – сказал я.

Вот и все.

О Мерна, я надеюсь, еще не поздно; надеюсь, я узнаю тебя, когда увижу. Я так стараюсь, Мерн, пусть мы с тобой похожи только глазами – мои рыжие, как ржавая пыль, твои оранжевые, как янтарь; но я поклялся защищать тебя, сестра, и не нарушу эту клятву.

Гном принял Фемура, восхищенно оглядел его. Тот стоял смирный, глаза стали лиловыми, никакой огонь не бегал в них, искры не гуляли по шерсти, и сама она улеглась, не топорщилась.

– Твоя красавица покрасит его в черный?

– Заказчик не оговаривал. Погони не было?

– Было много всякой мути, – сказал я, – но все осталось по ту сторону Гемоды.

Я врал, конечно. Все, кроме зверя, которого, не ведая того, Хорнбори держал за уздечку.

– А как там Грани?

– Грани Кровожадный отнял, прости.

Хорнбори только вздохнул.

– Ладно. Славный был жеребец, надеюсь, он не мучился.

– И я надеюсь, – сказал я ровным голосом, вспоминая ди-

кий крик коня, гнавшийся за мной по чащобе.

Гном отдал мне мешочек с золотом. Я взвесил его на ладони, тяжелый, холодный, какой-то весомо ненужный. Он не мог ничего искупить, и я прикусил свой лживый язык, чтобы не отказаться от награды.

Но я лишь поблагодарил и попрощался, и мне оставалось лишь ждать, когда яблоко Бетони сделает свое дело. Ждать и вспоминать.

– ...Кто-то рыщет здесь, я чувю, – сказала ведьма, подняв занавешенные кожей глаза к небу. – Кто-то пришел.

– Это я, Бетони, – ответил я, выходя из-за сожженной молнией сосны. Да, я дождался удобного момента.

– Снова ты, Альбин, – сказала она сыпучим и жестким голосом, будто два камня-песчаника потеряли друг о друга. – Отвернись, я затяну шнуры.

Я продолжал глядеть в упор.

Она молча посмотрела на меня черно-серыми щелями невидящих глаз. Потом отвернулась сама, сгорбилась.

Но я-то видел ее отражение в стекле окна.

Она потянула за шнуры на висках, и кожа стала натягиваться на лицо, как маска. Появились мерзкие глаза, маленькие, круглые, словно иссохшие, похожие на смородину. Ввалившийся нос, крупный рот – я видел синевато-белые, как разбавленное молоко, зубы, пока сухие серые губы натягивались на челюсть, где им должно быть.

Лицо ее встало на место. Она повернулась ко мне. Помятые красные глазки уставились на меня.

– Пошли в дом, сядем за стол, – сказала Бетони. – И рассказывай.

...Я смотрел, как за Хорнбори и Фемуром закрывается дверь. Вдалеке, очень вдалеке, стрекотала сорока, кто-то тревожил ее.

Я достал ключ и сжал его в руке, просто чтобы что-то сжать, иначе я сломал бы себе пальцы.

– ...Я знаю, что ты будешь просить, – сказала ведьма. – Мне интереснее, что ты пришел предлагать.

– Я хочу вернуть сестру. Я знаю, что тебе нужна чужая краса, чтоб держать свои кости вместе. И я предлагаю сказочную красавицу, если ты вернешь мне Мерну.

– И кого же? Неужели эльфку? Так об нее я обожгусь, друг Альбин, я уже пробовала. Нет, друг Альбин, ступай домой – вечер поздний, а ввечеру тут всякое ходит, – сказала Бетони и довольно захихикала.

...Я чувствовал, что пора пришла, и подошел к закрытым дверям гномьей пещеры. Яблоко уже должно было подействовать.

Лучше б вы, парни, добывали руду. Лучше б я никогда вас не знал.

Я вытащил меч.

– ... Не эльфийку, Бетони. Я добуду тебе гномиду. Об нее ведь не обожжешься.

Бетони замерла, уставилась на меня. Настолько неподвижно, что я бы побился об заклад, что это тело мертво, если бы не говорил с ней секунду назад.

– Как ты хочешь это сделать? – спросила она.

– Через третьи руки я заказал у гномов-конокрадов Фе-мура, и теперь он согласится впустить твоего коня в свои пещеры. Ты славишься умением превращать и превращаться, так ты сможешь обернуться своим конем, или вроде того?

Она задумалась. Ненадолго.

– Не совсем так, но есть способ. Ради такого дела найду.

– Так правду говорят, что они красивы?

– Правду, друг Альбин, а как же неправду. Сами гномы любят рассказывать про страшных-бородатых, чтоб своих красавиц уберечь. А на деле милее гномки девы не сыщешь. Только их сильно, друг, стерегут. Даже один от другого.

– Я тебе не друг. У меня есть ключ от ее покоев.

Я не стал рассказывать, как Наин втайне сделал копию ключа, влюбившись в невесту Хорнбори; как поссорился с ним и был изгнан, и как проболтался мне о красоте девицы, страдая от безответности и разлуки.

Как погиб, и как я выгреб ключ из его костей.

Но Бетони и так согласно кивнула страшной головой.

...Я приложил ухо к камню. Чтобы услышать ржание, переходящее в рык, и удары, и крики. Меня затошнило, из моей спины прорастали ледяные иглы ужаса.

Там зверь, которого я впустил, которого накормил яблоком ведьмы, вырвался на волю, и никто ничего не мог с этим поделать. Непрístupная крепость гномов погибала изнутри.

– ...Возьмешь Фемура на конюшне. Ты пахнешь мной, и он пойдет к тебе. Помни, здесь мои земли, и до самой Козьей чащи никто не тронет тебя без моего дозволения. А с моего... Сейчас Баргеста позову, ступайте, а он вас нагонит. Почуешь его – попридержи коня, а как дело будет сделано, шугни его моим именем. А после продолжай путь.

А дальше, чтоб ни стало – не бойся, только перед пещерой дашь коню яблоко, что я приготовлю. Привезешь гномку мне – и Мерна твоя, двоих мне не надобно. А что ж ты, друг Альбин, на гномов зло затаил?

– Нет, – ответил я. – Они хорошие мужики.

– Любишь сестру?

– Никого нет дороже, старая ты тварь.

– Это хорошо, – обрадовалась Бетони. – Значит, будешь стараться!

Она смеялась, и какая-то ночная птица вторила ей криком из лесов за рекой.

...Дверь распахнулась наружу, и они выбежали мне навстречу, двое – Хорнбори и Мили, я его видел однажды, и давно. Фемур выскочил вслед за ними, роняя кровь с клыкастой морды. Он весь был забрызган.

– Альбин, беги! Эта тварь заколдовала коня!

Я молча прошел мимо, с мечом наголо, отодвинув гнома. Зверь сунулся мне поперек дороги.

– Именем Бетони, – прошептал я.

– Альбин! – закричал Хорнбори, бросаясь на меня. Я ударил его крестовиной меча, и он покатился с разбитым лицом. Да он и так истекал кровью.

Я направился к двери в задней стене огромной мастерской, переступая части маленьких тел.

– ...Жаль, я не могу решить это по-другому. Я бы многое отдал, чтобы заставить тебя страдать.

– Если б не я, вы с сестрой уже костями б легли на болоте, друг Альбин! – Бетони закончила колдовать над восково-белым яблоком, плюнула на него и насухо вытерла рукавом. Меня передернуло.

– Не зови меня другом.

– А чего ж не звать-то, друг Альбин? Твоя мать так сильно сыночка просила, что я не смогла ей отказать. Только, сказала, сын твой мне послужит однажды.

Я в ужасе вытаращился на нее, не в силах понять, врет она, бредит или ни то, ни другое.

Бетони засмеялась железным, трескучим смехом.

Я поднялся, вдохнув сухим от страха ртом, и молча выскочил за дверь.

...Я повернул ключ. Рука почему-то не дрожала. Толкнул дверь и вошел в покои.

Она сидела спиной к стене, в зеленом кресле, в лиловом платье, миниатюрная, тоненькая, с сияющей кожей открытых плеч, огромными прозрачно-зелеными глазами, фарфоровая и бархатная одновременно.

Она не спросила ничего, только затаила дыхание, испуганно глядя на меня.

Горячие, как лава, слезы ужаса подступили к моим глазам и жгли их так же, как мою душу.

Я протянул руку, схватил за сказочную ручку и дернул на себя. Она казалась невесомой.

Я взял ее на руки и понес к выходу по залитому кровью полу. Хорнбори пытался выговорить что-то, видно, проклятие, но я обошел его. И вышел на свет.

Сорока кричала ближе. Да, кто-то преследовал меня, но кто? Я не ждал погони.

Я обмер, когда из-за елей выехал рыцарь на гнедом коне, и к его стальной груди прижималась дева с медными волосами.

Мне стало холодно и жарко посреди устроенной мной бойни.

Ибо то был Мадок и моя сестра.

Я посмотрел в ее глаза, побледневшие, выцветшие, но все еще с искрой. Посмотрел на лицо.

– Мерна?..

– Альбин?..

Я поставил гномку на землю, и она упала на каменное крыльцо без чувств.

Мадок молча выдернул меч.

Да, он спас ее, нашел ее, это его чуяла ведьма в тот вечер и не поехала его искать только лишь из-за меня.

Ну хоть как-то я помог сестре. А сейчас ее жених зарубит меня и будет прав.

– Что ты наделал, Альбин?.. – Мерна закрыла руками лицо, только глаза жгли меня насквозь. – Беги, брат, беги!..

Я свистнул Фемуру, вскочил на это чудовище с окровавленной мордой, и мы бросились через лес напролом, под крик сестры, ради которой я утопил свою душу в чужой крови.

* * *

Мне иногда по-прежнему снится болото. Не дом Бетони, не кровавая бойня у Хорнбори, не сестра и не гномка. Мне снится болото Гемоды, как воплощение всего, что случилось, и перед каждым пробуждением я жалею, что выбрался оттуда.

А после пробуждения жалею еще сильнее.

Эффект дефекта

Станция подземки была заброшена, стенки тоннеля заплели корни; рельсы тускнели и уходили в темноту, словно в никуда, терялись под слоем темных листьев, которые наметло за многие годы через сорванные двери наверху. Казалось, если пойти по рельсам вперед, то навсегда потеряешься в каком-нибудь другом мире.

Впрочем, путь вверх по лестнице обещал почти то же самое. Эти края сильно отличались от города.

Листья лежали на ступенях, на плитах пола, и на многолетних слоях светлела россыпь свежего листопада. А может, это и правда падал сверху лунный или еще какой свет.

Было холодно и сыро; каменный свод тоннеля покрывала изморозь, и рельсы казались от нее матовыми. На стенах чернели замшелые полосы – весной здесь высоко поднималась талая вода. Но она так и не вымыла запах креозота. Запах гари тоже никуда не ушел; Впрочем, он был слабым и почти незаметным – еще один призрак этого места, не более.

Звери спускались сюда как к себе домой, и не все следы можно было узнать. Змеи водились здесь в изобилии. Часто они сползались на лестницу, иногда забирались на старые, позеленевшие медные люстры.

Но сейчас стояла осень, и змеи уже спали. Свет фонаря за спинами двух мужчин не мог их потревожить, к тому же в

основном лучи упирались в плащи и широкополые шляпы, не достигая ни перрона, ни подножия лестницы. Холодные непрозрачные тени валились вперед. Но сверху от невидимого входа все же падал какой-то свет, и он становился тем заметнее, чем больше глаза стоящих в тоннеле привыкали к темноте.

Свет был чуть розоватый и голубой. Не луна так светила над одичавшим парком, не луна мигала где-то вверху, как газовая вывеска, заставляя пятна чуть плавать по недвижным очертаниям стыллой, брошенной станции.

– А правду говорят? – спросил наказатель, поставив ногу в кожаном сапоге на заиндевевший рельс, и кивнул наверх, в озаряемую мягкими вспышками тьму. Тускло блеснули его очки.

– Ну так, – неопределенно согласился собеседник, выпуская поводья лошади.

В спину приехавшим по тоннелю светил желтый фонарь, укрепленный на двуколке. Они прикатили сюда по рельсам, на сменных колесах. Дрезины им не выделили – ее было не перетащить через завалы на старых рельсах.

– Ответ, достойный дознавателя.

– Какой вопрос, такой и... – Дознаватель подошел к наказателю и встал рядом. Редкие капли падали со свода на широкие поля шляп. Оставленная в одиночестве лошадка протестующее фыркнула в суровые спины. – Тем более я привык спрашивать, а не отвечать.

– Разворачиваться вручную будем, круг, видно, засыпало, – сказал наказатель, подбросив носком сапога горсть листьев. Горький запах, запах одиночества и былых устремлений, не приведших ни к чему, поплыл по тоннелю. Прыгнула в неразличимую лужу невидимая лягушка, и что-то вроде флейты пропело наверху, в давным-давно выгоревшем предместье.

Они вернулись к лошади по имени Пятерка, выпрягли ее и долго искали, к чему привязать. В итоге привязали к особо мощному корню у стены, потревожив рой белых, как привидения, светлячков.

Подхватили увесистую двуколку и, кряхтя, вдвоем развернули ее. Дознаватель не выделялся ни ростом, ни сложением, зато наказатель мог похвастать по крайней мере первым, он был едва ли не в полтора раза выше своего товарища – настолько же, насколько и старше.

Беспокойно косящую Пятерку впрягли снова.

– Хоть бы не уехала... – пробормотал дознаватель, возясь с тормозом двуколки и поглядывая назад, на чуть заметные непостоянные пятна окрашенного света. Туман наверху опускался, и тем ярче озарялся не видимый отсюда выход на поверхность. Стали видны белеющие кости у основания лестницы. По ним что-то перемещалось. – А то и тормоз потащит...

Двуколка утвердилась на рельсах, лошадь получила нагретое яблоко из кармана плаща и хрустела им в темноте.

Наказатель пригасил фонарь почти до минимума. Тени сгустились под ногами, словно сапоги приехавших попирали само ничто. И тотчас ярче засиял тот, верхний свет: мерцание осклизавших корней, белый танец светляков. Даже запахи темноты и влаги, казалось, сразу стали сильнее. И звуки слышнее. А тишина между ними – глубже.

Наказатель протер запотевшие линзы в стынущей стальной оправе, но это не помогло.

Халле прихватил из двуколки маленькую клетку со спящим голубем. Другой связи с городом тут не было, и птицу надлежало тащить с собой. Дознаватель, хоть и немного телепат, как все они, на таком расстоянии был бессилён – от жилых окраин Андренезера их теперь отделяло не меньше пяти миль.

У лестницы они спугнули крысу, объедающую тлен с крупных костей; та канула в темноту, оставив слизней трудиться в одиночестве.

Помедлили.

– Готов, дознаватель Халле?

Тот чуть нервно усмехнулся, глянул на долговязого напарника снизу:

– Готов, наказатель Коркранц. Хотя я бы предпочел пару таблеток. Со́вы, например, если б такие существовали. Или любой из проклятых знаменитостей, если она в темноте видит лучше, чем я.

– Никаких таблеток в мою смену, дознаватель. Ты же зна-

ешь.

– И сам не жалуя. Обойдемся. По крайней мере, пока не появятся подходящие. – Халле знал нелюбовь Коркранца к экстрактам чужих умений, но не разделял ее. – В конце концов, почему бы не наделать таблеток пса? Принял одну – и порядок, отлично слышишь и обоняешь все вокруг. Самое то для сыскных. Почему выпускают только человеческие? На кой мне полчаса умения петь, как Адам Турла, если я готов заплатить за час ночного зрения или острого слуха?

– Таблеток не использовал, не буду, другим не советую, а на месте Шеффилда и запретил бы. Но где сейчас Шеффилд... – Коркранц глянул вверх по лестнице. – Ладно, пошли.

Халле, кивнув, расстегнул нижнюю пуговицу пиджака, чтобы удобнее было добираться до ножа. У Коркранца давно были расстегнуты и пуговица, и кобура – наказатель имел право на револьвер.

Они поднялись быстро, цокая рифлеными набивками сапог по расшатанным осклизлым ступеням.

После темноты подземелья наверху показалось совсем светло. Осень только перевалила за середину, а вот ночь до своей еще не добралась. Туман лежал тонким слоем, затекая в провал спуска. Вдруг вслед им долетело тихое потерянное ржание Пятерки, нереальное, как привет из другого мира.

Деревья вокруг были невысоки, ни одно из них не выросло ровным, словно в молодости они не могли решить, куда

им все-таки расти: вверх, как все, или лучше в сторону, а может, вообще вниз. Разломы в стволах, щели коры, впадины узловатых переплетенных веток светились голубым и розовым, ярким, как ярмарочные огни. Свет помигивал вразнобой. На одной из ветвей, прицепившись ногами, вниз головой спала птица.

– Карамель какая-то, – сказал Халле. – Никогда я не любил эти привозные деревья.

– Ну, это не совсем те, что я помню, – ответил Коркранц. – Они, конечно, и до пожара выглядели экзотично, но то, что сейчас тут растет, вряд ли уже можно классифицировать. Значит, правду говорят: год от года они все ярче.

Лязгающий голос наказателя, такой знакомый собеседнику и такой внушительный под белыми сводами кабинетов и среди высоких стен кварталов-колодцев, тут тонул, будто звук кузнечных клещей, которые зачем-то обмотали ветошью.

– Пойдем, – сказал Наказатель, делая шаг вперед. Халле кивнул и последовал за ним, стараясь не оглядываться.

Здесь когда-то был парк. Обезглавленные чугунные остовы фонарей напоминали об этом; в одном месте сапог Коркранца ступил на гулкое железо – люк коммуникаций, и наказатель пообещал себе получше смотреть под ноги.

Вдали, за рядами деревьев, виднелись иногда скелеты скамеек. Один раз в сумеречной аллее им привиделось, что на скамейке сидит некто большой, в пальто и мятом цилиндре.

Коркранц подумал, что ему показалось, – резко повернув голову, он ничего не увидел; но Халле сказал, что ему, в таком случае, показалось то же самое.

Они поспешили пройти это место.

– Ну и где нам тут кого искать? Сюда бы взвод. – Халле не выдержал в тишине и пары минут.

– Мы за него, – ответил Коркранц, и дознаватель уловил в его голосе намек на раздражение. И в мыслях тоже.

– Понимаю. Просто это работа для более серьезной группы.

– Работа наша.

– Рад стараться. Но... – Халле обвел мерцающую чашу, полную тихих звуков, раскрытой ладонью в тонкой перчатке, – кому здесь я могу задать вопросы? Вот той тени? – он указал в сторону, где между деревьями мелькнуло что-то двуногое, низкорослое, больше всего похожее на заднюю половину собаки.

– Вот и спросим у брюхи Веласки.

– К брюхе, – Халле весь передернулся, – Веласке заехать бы днем.

– Днем она спит, сам знаешь, слишком стара она, при дневном свете показываться.

Халле рассеянно кивнул. Веласка родилась в год без лета, в день без света, а все, кто тогда родился, под солнцем долго находиться не могли.

– Откажется она говорить.

– Не откажется.

Дознаватель вздохнул. Коркранц понимал, что в случае с Велаской телепатия ему вряд ли поможет – старая карга была хитра, изворотлива и немало смыслила в колдовстве.

– А ты помнишь, как фабрика взорвалась? – спросил Халле. – Как все это, – дознаватель обвел рукой мрачную и одновременно яркую панораму, – горело?

О да, Коркранц помнил. Он был тогда ребенком, но взрыв алхимической фабрики и тот цветной пожар, больше суток бушевавший у горизонта, остался одним из ярчайших его воспоминаний. Позже нечто подобное он видел лишь раз, когда наблюдал полярное сияние с борта здоровенного виндjamмера, где служил в юности. Но то была мирная небесная сила; горящая же дикая смесь химикалий и магии ужасала, хоть и захватывала. Предместье Андренезера, куда только-только проложили ветку подземки, перестало существовать. Целый комбинат, снабжавший всем необходимым добрую половину алхимиков государства, просто испарился вместе с окрестными кварталами.

Огонь тогда плавил даже гранит. Позже из-за отравленного воздуха, воды и земли здесь никто уже не стал строиться. Да и в память о жертвах тоже – пепел сотен людей лежал на этом месте, как тень, намертво въевшись в каждый камень.

С тех пор минуло полсотни лет. Торфяники и до сих пор продолжали тлеть, а гарь зарастала всяким странным быльем, да и существа завелись немного не те, что в обычном

лесу.

– Да, – ответил Коркранц. – И буду помнить до конца жизни. Странно, что на этом месте вообще что-то выросло, я думал, земля прокалилась до самой Преисподней.

Коркранц приподнял воротник. Ему было здесь не по себе, хотя он всегда считал, что тьма – лишь отсутствие света. И все же... видимо, он был слишком урбанистом. И всю жизнь после увольнения с флота старался скорее поглубже забраться в город, нежели выбраться из него. И темнота загородная, темнота залитых туманом лугов, непроглядных лесов, старого пепелища казалась ему какой-то другой. Исполненной чего-то древнего, злого. Только тронь, и проснется. И это пугало его.

А еще лось.

В последнее время много стало слухов про зверье, ведущее себя не по-звериному. Рассказывали, конечно, про енотов, научившихся пользоваться ключами, про медведицу, одетую в женское платье, чуть ли не про кота в сапогах, но самыми жуткими – с точки зрения Коркранца – были истории про лося.

Якобы на окраинах, в кленовых лесополосах, за ржавеющими трамвайными путями, по которым давно уже прошел их последний трамвай, стали встречать некоего странного лося. Коркранц хмурился, а в его памяти сами собой всплывали строчки протоколов дознания.

Кора Джей, двадцать восемь лет, торговка-цветочница.

Встретилась с животным в парке. Испугавшись, с целью задобрить животное ласково окликнула его дважды. Животное с цинизмом передразнило очевидицу, также дважды. Кроме того, она утверждает, что лось ухмылялся, видя ее испуг.

Иллемарья Уишборт, сорок лет, дипломат Посольской управы. Просила точно процитировать в протоколе ее показания: «Лось заступил мне дорогу и смотрел прямо в душу». Госпитализирована с нервным расстройством.

Джебедаёя Даггон, шестьдесят лет, пенсионер. Зверь, по словам очевидца, жестом велел ему проваливать, сопроводив указание звуками, в тоне которых явственно слышалась брань. Очевидец – трезвенник, отставной государственный купец торгового флота, уважаемый человек.

И это не говоря о слухах и отрывочных показаниях задержанных деклассированных. В их среде вообще творилось бог знает что.

Коркранц не стал углубляться в раздумья и постарался сосредоточиться на дороге.

Аллеи потеряли строй и рассыпались отдельными деревьями; светящиеся мятно-зеленые грибы с сильным запахом аммиака росли то тут, то там; улитки на деревьях тоже светились. Казалось, лесная жизнь вобрала в себя тот давний огонь, пропиталась им.

Они миновали черный гладкий пруд – Халле был почти уверен, что жидкость в нем горюча, как нефть, – и оплывшее, перекошенное здание вокзала за ним. Потекший и вновь за-

стывший камень сталактитами свисал в арках порталов, колонны изогнулись, как пьяные; статуи у входа растеклись, растрескались и казались скульптурами чудовищ. Ярко-зеленые блуждающие огни бродили в глубине.

Потом потянулось пепелище с оплавленными какими-то столбами, по левую же руку стоял лес, теперь темный и угловатый, и только иногда мелькали в нем белые и голубые огни, шелкали невидимые насекомые, да сонно, тяжело, словно ей снился кошмар, стонала птица. Или не птица.

Коркранц надеялся, что Халле не станет читать его мысли и вообще не почувствует того, что он ощущает. Это походило на страх. Но наказатель Коркранц давно не испытывал страха и теперь крутил, мял это чувство, пытаясь уложить его на воображаемую полку в сознании поаккуратней, чтоб не мешалось.

Халле же сейчас думал явно о чем-то своем. Он с опаской смотрел на широкий кривой серп луны с иззубренным лезвием. Она недавно взошла и висела над лесом, совсем объемная и близкая – казалось, протяни руку, щелкни по ней пальцем – и зазвенит. Цветом она была как металл.

– Под такой луной, – сказал Халле, – ловил я Джока. Он всегда начинал беспокоиться такими ночами и хвататься за все острое, что мог найти. Ей-богу, от бритвы до косы.

Коркранц кивнул. Каждый сыскной знал эту историю. Джок Дружок, бич Андренезера. Второй серийный убийца за историю города. Халле был главным дознавателем по его

делу и однажды даже встречался с ним лицом к лицу. Только случайно на память о той встрече у него не осталось шрамов.

– Вот как раз в ноябре у него на чердаке и поселилась стая кукушек, он стал носить по две шляпы и разрисовал себе руки всякой жутью. Я почти настиг его тогда – или он меня.

– Тебе повезло. – Коркранцу не нужно было уметь читать мысли, чтобы понять: Халле боится повстречать своего противника здесь. Оттого и речь завел. В ночи старого пожара Джек становился для дознавателя таким же олицетворением страха, как для самого Коркранца лось. А шансы на встречу были – выгоревшие кварталы часто становились убежищем беглецов и прочих падших. Правда, подолгу здесь никто, кроме брухи Веласки, не тянул.

– Я немного прочитал его мысли в тот раз. И пришел в ужас. Они еще страшнее, чем татуировки на его руках.

Коркранц промолчал. Халле хватало духу признаться в способности испытывать страх, и наказатель немного позавидовал ему.

В лесу не то ветер шуршал листьями, не то кто-то ходил – разобрать было нельзя. Интересно, подумал наказатель, вот Халле хотел таблетку пса, чтоб лучше слышать в ночи; или таблетку с экстрактом совы, чтобы видеть в темноте. А нужно ли это? Что ты услышишь и увидишь, если сдернуть чехлы с рецепторов? Поможет ли оно тебе?

У Шефа, к примеру, зрение было на зависть. И сгодилось это ему? Где он, универсал своей профессии, способ-

ный с легкостью совмещать работу дознавателя и наказателя? Шеффилд, которого все звали Шефом даже официально; впрочем, его это мало волновало – хоть горшком назови, из печи он практически не вылезал. Ему куда больше нравилось расследовать дела на местах, чем в кабинете, и приказы от него чаще всего приходили через хрипящий телефон откуда-нибудь с окраин. Шеффилд, с его неизменной присказкой «Сейчас все будет», под которой он мог подразумевать что угодно; вечно напевающий Ластера, Шеффилд, который одну руку всегда закладывал за спину, когда крепко задумывался. Или когда стрелял в цель.

Его исчезновение обезглавило Управу, никто и предположить не мог, что такая постоянная величина, как Шеф, куда-то пропадет. Но все же это произошло, и что с этим делать – никто толком не знал.

Началось все не с очеловечивающихся зверей, а с озверелых людей.

Одинокие свидетельства о хулиганах, скатившихся до скотского беспредела, за полмесяца переросли в лавину. Сначала решили, что появился какой-то новый наркотик, только обстоятельства преступлений и особенности задержанных выглядели так странно, что впору было рапортовать в государственный Тайный сыск. Шеф же в ярости заявил, что они тут и сами разберутся, и принял меры по всем направлениям.

Но ни висящие над городом дирижабли с наблюдателями,

ни усиленные патрули, ни прочая угрожающая активность дела не прояснили. Хулиганы, восстающие вдруг из грязных луж, визжали как свиньи и кусались при аресте; патрульные с ужасом обнаруживали, что серо-розовая грубая кожа этих элементов поросла жесткой щетиной, а ожирение странным образом изменило формы тела; огромный, чудовищно сильный грабитель, вломившийся в бакалею, ранил трех патрульных, одного скальпировал неожиданно острыми зубами, после чего прихватил лоток медовых пряников и скрылся в ночи. Стая худых, желтоглазых, льнущих к земле, злых и сутулых личностей напала на окраине на двух молодых людей и час спустя была полностью расстреляна охотниками.

После долгой работы некоторых удалось опознать; всё это были или преступники, или потребители веществ, или деклассированные элементы, ранее никогда звериными повадками не отличавшиеся. В последнем случае поползли слухи про вервольфов, но ничем не подтвердились.

Шеф Шеффилд лично взялся за расследование, отрядив с собой самого мощного телепата Управы, стилиягу Солиса. И исчез вместе с ним.

Все по привычке ждали указующего звонка с каких-нибудь окраин, но два дня минуло совсем без вестей, а после пришла записка.

Принес ее помятый, потрепанный, ошалелый и дико голодный голубь, который вел себя как-то не так. Соколом смотрел, как сказал городской Трент, сам охотник. Голубь

до крови укусил Трента за палец.

Он принес записку от Солиса. Вроде бы написанную его рукой. Солис был левша, и специалисты утверждали, что записка написана левшой. И все равно экспертов она чем-то смущала. Как будто писал не пропавший сыскной, а человек другого веса и сложения.

В записке Солис просил прислать самого лучшего дознавателя на пепелище фабрики. Подписи Шефа, как ни странно, не было.

Посоветовавшись, решили отправить Халле, который был на хорошем счету; но не одного, а под прикрытием. И не по дороге, а по линии подземки, чтобы была возможность выйти в тылу потенциальной ловушки.

В Управе остро не хватало людей, потому что большинство были заняты расследованием дел озверелых, а двое даже получили ранения. Без твердой руки Шефа в этой сумятице не хватало и внятного курса. Поэтому заместитель выделил лишь двоих.

...Тут Коркранца что-то отвлекло от воспоминаний.

Что-то такое лежало на голой, продуваемой ветром лесной аллее, и, хотя Коркранцу хотелось видеть там ветку, уже стало ясно, что это не она.

– Рога лосиные, – со всей простотой сказал Халле, но Коркранц и сам уже это понял.

Большие, холодно-пепельные в ночном свете, разлапистые, ужасающе неподвижные, многозначительные лосиные

рога.

Коркранцу хотелось снять шляпу и стереть пот с лысины, но при Халле он ни за что не стал бы этого делать и только со свистом втянул воздух через сжатые зубы.

Ему не хотелось признаваться ни себе, ни кому-либо, но образ животного с человеческим взглядом будил в его сердце какую-то inferнальную жуть.

Он ускорил шаг. Оставалось немного.

Ночной холод забирался под плащи, под незастегнутые пиджаки. Халле все-таки сдался и плащ застегнул. Коркранц же, казалось, на погоду внимания не обращал вообще, шагая, как механизм, как паровой человек, которого как-то выставляли в городской кунсткамере.

Спустя две минуты лес поредел, и они вышли к дому брухи Веласки.

Здесь, на окраине окраин, запах ледяного ветра был диким, темным, как ночь. Дом жался задней стеной к обрыву, как некто, кому некуда отступать, и смотрел на лес парой ярких круглых окон. Теплый желтый свет их казался нереальным; Халле вообще ожидал увидеть ядовито-зеленое свечение, как в заброшенном вокзале. Дом был похож на обломок какого-то некогда гораздо большего здания.

– Ладно, – сказал Коркранц тихо. – Как условились.

Халле нервно кивнул, молча. Условились они так, что Халле опрашивает бруху – самая что ни на есть работа дознавателя, – а Коркранц наблюдает за домом.

Если на пепелище и происходило что-нибудь странное, то уж бруха точно должна об этом знать. Но арестовывать Веласку совсем не за что, поэтому фигура наказателя явно будет лишней при разговоре. С другой стороны, хитрая старуха наверняка заподозрит, что у дознавателя есть невидимый напарник, и не причинит вреда, не посмеет.

Оставался, конечно, риск, что бруха, если она во всем этом замешана, может что-то утворить, но для нее это стало бы приговором. А работа Сыскной управы и так сплошь состоит из риска, что поделать.

Наказатель хотел было предложить Халле револьвер, но потом решил, что отправлять оружие в дом подозреваемой, а самому оставаться безоружным – плохая идея. В конце концов, хороша тогда от него будет помощь. Да и у Халле есть нож, если что. Он озвучил эти соображения, потому что Халле все равно бы их ощутил. Дознаватель согласился.

Коркранц отступил за деревья. Он смотрел, как дознаватель дошел до двери и вдруг замер на ступенях, когда что-то черное шевельнулось у его ног. Наказатель неплохо видел в очках, но в ночной темноте так и не разглядел: показалось ему, или правда там было что-то вроде черной кошки? Шеффилд бы каждый ус рассмотрел, подумал он. Шеф славился отличным зрением и точной рукой и был, бесспорно, лучшим стрелком Управы. Поэтому наказатели всегда равнялись на него, но хоть немного, да отставали. Шефу ничего не стоило отправить весь барабан в десятку или же, развле-

каясь, положить пули по радиусу, аккуратно прострелив все цифры у кружков мишени.

«Где он теперь?» – подумал Коркранц. Внезапно ему стало тоскливо. Халле, пусть и побаивался сегодняшней работы, чем немного раздражал, все же живая душа, вдвоем бродить по одичавшему пожарищу было гораздо веселее. Теперь с ним остался только белый голубь в тесной клетке, который все спал, сунув голову под крыло. От обычных городских голубей сыскные птицы отличались тем, что худо-бедно, но могли летать ночью. Впрочем, на практике это у них получалось совсем плохо, но инструкции требовали носить птицу с собой.

Скрывшись за толстым обгорелым стволом, наказатель смотрел, как Халле дергает за веревку звонка. Дверь распахнулась, невысокая седовласая фигура, почти невидимая за плащом Халле – тот снова расстегнул его, видно, памятуя про нож, – потопталась на пороге, махнула рукой и увлекла дознавателя за собой в дом.

Вот теперь Коркранц остался совсем один.

Потянулись минуты. Он ждал. Ночь, осмелев, протянула свои холодные руки, дергала за плащ, трогала шею незримой ледяной ладонью, забавляясь одиноким человеком.

Коркранц с удивлением обнаружил, что замерзает. Видно, стал стареть, подумал он. Интересно, а поступят ли в продажу таблетки молодости? Препарат на крови какого-нибудь прыгучего юнца, чтобы такие стареющие дубы, как он сам,

могли хоть на час почувствовать энергию и легкость юных лет?

Он вообще не разбирался в этих таблетках, презирал, да и, чего там, – побаивался. Он привык считать их новинкой, а ведь экстракты умений и свойств, высушенных в порошок и помещенных в капсулу, появились на рынке уже лет десять-двенадцать назад.

В их производстве использовались кровь, алхимия и, конечно, магия.

В основном прибыль приносила торговля умениями знаменитостей – выпил таблетку, и какие-нибудь три четверти часа можешь играть как маэстро или танцевать как бог. Знаменитые художники, правда, словно сговорились: отказались предоставлять свою кровь для производства, даже несмотря на обещания сказочных барышей. А вот некоторые писатели согласились. А что, конкурента за час все равно не наживешь.

Производители утверждали, будто очистка сейчас настолько хороша, что побочных эффектов вроде сопутствующих качеств донора уже стопроцентно нет. А сперва покупатели, бывало, жаловались, что вместе с голосом оперной дивы или музой поэта получают приступ мигрени или близорукости.

Бывали и другие таблетки – например, для снотворных специально отбирали доноров со здоровым сном. Ассортимент постепенно расширялся, а рынок процветал.

Недолговечность действия и только-только начавшая падать стоимость производства все же уступали новизне ощущений, да и пользе, которую многие для себя извлекали. Но, как обычно, нашлась и обратная сторона, темная, покрытая липкой грязью и таинственной патиной. И в хищный профиль, который смутно проступал под ней, Сыскная управа вглядывалась все тревожнее.

Например, за большие деньги, якобы для спортивных тренировок, кто-то заказал партию таблеток одного из знаменитых боксеров. А в итоге сыскные накрыли подпольный ринг боев без правил, где бойцов держали на препаратах. Часть же тиража вообще попала к уличным бандам.

А еще, пользуясь недостаточной очисткой первых партий и вступив в сговор с некими алхимиками, группа преступников смогла выделить воспоминания известного бильярдиста и подобрать шифр к его банковской ячейке с гонорарами.

Прокатилась и чередой спортивных скандалов.

Сочетание таблеток и наркотиков вообще давало дикий эффект чужих галлюцинаций, и поднялась волна специфических преступлений – группы наркоманов грабили покупателей эликсиров. Были и другие тревожные случаи.

Ходили разговоры о том, чтобы наделать таблеток на крови лучших специалистов в каждой области, в том числе и в полиции, но пока только разговоры. Шеффилд прямо сказал, что не потерпит ничего подобного, ведь если такие таблетки, с умениями сыщика или телепата, попадут к преступникам,

то с ними станет куда труднее бороться.

В Управе любые таблетки были не в чести, но прямой запрет отсутствовал. Например, Коркранц знал, что Солис иногда принимает пианиста, чтобы произвести впечатление в своем клубе. Шеф же относился к таким увлечениям пренебрежительно: дескать, что человек всего может добиться сам, а если бог таланта не дал, то и не надобно. Сам он в раздумьях частенько напевал, почитая творчество Моисея Ластера.

...Звук и движение оторвали наказателя от его мыслей: он увидел, как открылась форточка в круглом окошке и из нее, белым бликом в ночное небо, вылетел голубь.

Коркранц удивился: кто же использует простого голубя в темноте? Но тот, ухнув по-совиному, мягко и бесшумно спланировал над головой наказателя и скрылся в лесу.

Вот те раз, голубь-сокол, теперь голубь-сова.

«Да что тут происходит?!» – нервно подумал Коркранц.

Форточка закрылась, оставив его безо всякого ответа.

Этот парк, обернувшийся лесом, дома, превратившиеся в руины, и люди, которые становились зверьми, складывались для Коркранца в одну мрачную картину. Должно было существовать связующее звено между всем этим, от лося до...

Лось.

Хрустнуло что-то за спиной.

Лось?

Вздохнуло.

Ветер? Или лось?

Тень перекрыла отсвет дальнего дерева. Летучая мышь?

Или голова лося?

Коркранц обернулся.

Лось.

Он стоял в нескольких ярдах позади, огромная горбоносая его башка лоснилась, поблескивал жуткий и внимательный глаз. Квадратные зубы сжимали изжеванную сигарету.

Лось посмотрел на Коркранца и коротким движением головы, кивком, словно спросил, не найдется ли огоньку. Во взгляде читалась пристальная, навязчивая просьба.

Коркранц резко вдохнул, задержал воздух, спиной обтек ствол, медленно помотал головой влево-вправо и вывалился из леса под острый и безжалостный серп луны, не в силах отпустить взглядом мерцающую точку лосиного глаза.

Лось зло, презрительно сплюнул и отступил во тьму.

Коркранц наконец сделал то, чего хотел весь вечер, – сорвал с головы шляпу и вытер вспотевшую лысину. Железные зубы его хотели предательски стукнуть, но он могучим усилием свел челюсти. Если лось с человеческими чертами внушает ему страх, то это нормально, в конце концов. Наверное, есть какое-то название этому, эффект кого-нибудь там. Это нормально, повторил Коркранц и тут понял, что оказался на виду, прямо под окнами брухи.

Прятаться не имело смысла, тем более что брухин совиный голубь ему совсем не понравился, да и идея разделиться

в свете обстоятельств представлялась все менее удачной.

Он поправил плащ, заставил себя повернуться спиной к лесу и поднялся по ступеням уже с привычным каменным выражением лица.

Ни черный кот, ни сова, ни змея, ни летучая мышь – никто не стерег у входа. Только когда наказатель подошел к двери, то заметил, что вместо верхней ступеньки, на которую он уже собирался встать, лежит черная гладкошерстная собака. Она молча подняла голову и глянула так, что Коркранц отступил назад.

– Ну, лай, что ли, – сказал наказатель. Собака промолчала. Коркранц тоже молча протянул руку и взялся за шнурок звонка. Собака низко, глухо, чуть слышно зарычала, так что камень завибрировал, но не поднялась. Наказатель позвонил.

Веласка Имакулада дель Сомоса открыла дверь и загородила собой проход. Она была ниже наказателя почти в два раза, в белой блузе и черной юбке в пол, как полагается достойной женщине.

Волосы брухи были седые и немного вились, глаза – цвета льда, при этом белки чистоты белоснежной, а зрачки – как полыньи во льду над омутом, где водятся твари. Наказатель аж примерз к этим глазам. Даже похолодало, казалось; потянуло из дома стужей, хотя яркий свет из дверей и окон противоречил этому, обещая тепло.

– А я так и думала, что вас двое придет. Заходи, ночь хо-

лодная.

Она как-то так поежилась, вздрогнув, как лошадь, всей кожей, что Коркранца самого передернуло. Он отодрал взгляд от ее глаз – ему показалось, что с осязательным хрустом, – снял шляпу и вошел.

И вроде успел увидеть, как кто-то прикрыл за собой дверь в дальнем конце комнаты за прихожей.

Входная же дверь за ним закрылась безо всякого участия хозяйки, словно от сквозняка; крюк сам упал в проушину. Веласка взяла у него клетку с птицей и подтолкнула его в комнату, едва он снял плащ и шляпу, отметив, что одежда Халле тоже здесь, на вешалке.

Комнату ярко освещали люстры, чуть оплавленные, явно взятые в большом количестве из руин каких-то домов, пострадавших от пожара. В простенках висели картины, тронутые огнем.

Дощатый стол в центре был покрыт куцей скатертью, вокруг в беспорядке стояли на деревянном полу старые, когда-то дорогие кресла из разных гарнитуров. Халле нигде не было. Коркранц еще раз глянул на неплотно прикрытую потертую серую дверь напротив входной.

На столе стояли блюдо с пирожками, судя по всему, с мясом, и кувшин узвара из сухофруктов.

– Угощайся, – тепло сказала Веласка, подталкивая его к столу.

– Благодарю, нет. А где...

– Садись, поешь, не отказывай старой тетке только потому, что про нее плетут небылицы. Чего такому здоровенному мужчине, – это слово бруха произнесла с неподражаемой интонацией, где почтение и издевка слились в противоречивый, но гармоничный тон, – бояться старухиной стряпни? Не из собачатины же я их делаю...

– Спасибо, но...

– Никакого «но», наказатель. Вообще-то я тебя пустила с оружием в дом, а ты отказываешь мне в праве на простое гостеприимство. Я твоему мозгоеду ни на один вопрос не отвечу, если не присядете по-человечески.

Голубь проснулся от яркого света, заурчал, и Веласка сыпанула ему какого-то корма прямо из кармана. Голубь заинтересованно начал клевать.

– Ну вот видишь, птичка твоя принимает угощение, а она чует, от злого человека вовек бы не взяла...

В голосе старой женщины Коркранц услышал обиду и даже растерялся.

– Хорошо. – Он уселся за стол, не в кресло, а на старый табурет рядом. – Но я правда не...

– Да поешь ты! Ну что за человек! – Бруха взяла с потрескавшегося глазированного блюда пирожок и надкусила. – Пирожки как пирожки, с мясом! Мясо – не из этого леса! Не ядовитое!

Коркранц согласился, взял наконец вкусно пахнущий пирожок, откусил и стал жевать. И правда, мясо, специи, лук.

И что-то такое еще горьковатое, понял вдруг он. Как будто начинку присыпали мукой из полыни и кровянки, что ли.

Где-то в этот момент наказатель подумал, что все они совершили ужасные ошибки. Шеф и Солис – свои, Халле – свою, и он, Коркранц, теперь совершает свою, очень старательно.

Нужно выбираться отсюда, и как можно скорее.

Интересно, куда полетел совиный голубь?..

– Ну, нам пора, – твердо сказал Коркранц, вставая из-за стола. – Где Халле?

– Умыться пошел; водички попить, – сказала брюха Веласка масляным голосом. Наказателю представились жирные радужные круги на дурном болоте, под которыми и воды-то не разглядишь.

– Я ему таблеточку дала, – добавила старуха. – А то что-то мутит его, в глазах потемнело.

Коркранц без шляпы как-то очень остро почувствовал холод. По шее, спине, за воротник по позвоночнику.

– Я пойду его позову, – произнесли они одновременно.

Наказатель промедлил секунду и сказал:

– Хорошо.

Бруха кивнула, сощурившись, и бесшумно вышла из комнаты.

Оставшись один, Коркранц встал, отодвигая табурет. Тот, повинувшись своей кособокости, завалился на сторону и упал. Гулко, словно под полом было пусто.

Коркранц отбросил его ногой, переставил стол, расплескав узвар, и сдернул узорчатый коврик с пола.

По доскам, покрытым плохо замытыми бурыми кляксами, проходила щель, очерчивая квадрат. Плоская чугунная ручка лежала в выдолбленном углублении. Подпол.

Наказатель на секунду заколебался, решая, что сделать в первую очередь; потом распахнул клетку с голубем, рванулся к форточке и выбросил его в окно.

Если голубь прилетит без записки, в Управе поймут, что дело плохо. А в этом Коркранц уже почему-то не сомневался.

Голубь испуганно закудахтал, забил как попало крыльями, точно курица, которой отвесили пинка, и неуклюже приземлился на лужайку, после чего побежал к лесу, отвлекшись вдруг на что-то, что начал клевать.

В ужасе наказатель ринулся в прихожую и дернул крюк. Ничего – он оставался держать как приваренный. Брухины штучки.

Коркранц метнулся к подполу и, подцепив ручку ногтями, рванул неожиданно тяжелую дверь вверх. Она, в отличие от входной, оказалась не заперта.

Внизу горел свет. Наказатель оглядел все, что открылось его взору, и ему стало плохо.

Анатомический театр циничного ужаса.

Не сводя неверящих еще глаз с разделочных столов, колб, прессов, труб и зеленоватых пятен на гранитном полу, Кор-

кранц начал спускаться по стальной лестнице. В холодный свет газовых ламп, в тяжелый мясной запах с нотами формальдегида, в липкий ужас. Сейчас он забыл обо всем остальном. Даже о том, что следовало немедленно пристрелить бруху.

Над каждым столом было установлено нечто вроде поддонов с углублениями, от которых охажки кольчатых шлангов шли к отжимным прессам, к тонким решеткам и нагревателям сушилок. На трубках засохли кровавые капли и какая-то желтоватая непрозрачная слизь, прессы лоснились от жира; на решетках запеклась бурая окалина. Видения чистого ада. Повсюду были тела, терзаемые агрегатами. Коркранц мог только надеяться, что те, кому они принадлежали, умерли еще до начала манипуляций.

Тут ему показалось, что гаснут лампы, и он, положив руку на рукоять оружия, обернулся к выходу.

Никого. Но видел он все хуже. Края поля зрения размывались, словно их кто-то замазал клейстером. В глазах темнело. Что ж такое он сожрал? И где там пропал Халле? Подпол казался больше, чем комната наверху; домик брухи, видимо, был лишь частью каких-то обширных руин.

Наказатель поспешил оглядеться, пока еще что-то видел.

Здесь были тела животных в разной степени вскрытия, от туши кабана с распахнутыми ребрами до выжатой жабьей шкурки.

А хуже всего были люди. В сторону полуосвежеванного

рослого беловолосого трупа он старался не смотреть, а вот татуированная кожа рук возле груды мокрых костей привлекла его внимание.

Джок Дружок. Вот где нашел конец главный враг Халле. Шляпа с пряжкой небрежно валялась рядом, и край ее потемнел от крови. «Интересно, а где вторая?» – подумал Коркранц.

Были и еще какие-то трупы, расчлененные, выпотрошенные, как рыба, и наказатель почти возрадовался потере зрения.

Но он разглядел желобы, идущие вдоль каждого стола, и во многих лежало по одной полупрозрачной капсуле, полной какого-то порошка.

Вот оно что! Еще более сильный ужас, холодный и горячий одновременно, обхватил Коркранца, повис на нем, вязко, как пьяный друг, который никуда не собирается уходить.

Веласка открыла какой-то рецепт изготовления таблеток, по пути столкнувшись с проблемой, но не той, о которую спотыкались официальные производители: эффект не исчезал. Так вот в чем было дело, вот что стояло за озверелыми людьми и очеловеченными зверями! Не только люди теряли остатки разума, но и звери обретали некие его зачатки! Каково было приблизиться к порогу разума, оставаясь в зверином теле? Да и каков мог быть этот разум?

Она экспериментировала на отбросах общества и зверях, а потом, видно, стала продавать препараты. Может, из-за ку-

старной очистки, а может, еще почему, но нужные качества почти не отфильтровывались от свойств личности. Каким странным, видно, был симбиоз сознания преступника, купившего таблетку сыскного, и ожившего в нем дознавателя! И что за кошмар начнется, если на улицы попадут таблетки парней вроде Дружка?

Теперь Коркранц понимал, как появилась на свет записка, призывавшая сюда лучшего дознавателя.

И зачем.

Ведь из Солиса получилась только одна таблетка телепата, а этого, очевидно, мало. Кроме того, обладая навыками сыскного, любому преступнику легче будет планировать свои преступления.

И тем легче, чем меньше сыскных останется в строю.

Были тут таблетки совы, о которых мечтал Халле, и таблетки сокола, которыми, видно, кормили голубя Шеффилда. С ужасом наказатель увидел останки крота как центр некоего ночного кошмара и черную шкурку, на которой лежала грубо разодранная желатиновая капсула с остатками порошка, пахнувшего кровью и пылью.

Куда же, подумал Коркранц снова, полетел тот голубь? С какой вестью, за какой помощью? Куда убежала их собственная птица, отведав экстракта курицы, его не интересовало.

Наказатель быстро пошел к двери, которую еще при спуске приметил в дальней стене помещения.

И тут на одном из столов он увидел то, чего боялся: по-

темневший жетон начальника Управы среди обрезков мощных пальцев, сбритые седые волосы и закопченный рассыпавшийся скелет.

Слезы затопили и так почти ослепшие глаза. Он выполнил задание, нашел Дирка Шеффилда.

Кошмарно, это кошмарно – Шеффилд и Солис уничтожены, препарированы, выжаты и высушены! Извращенная форма каннибализма, если можно так говорить о том, что само по себе – крайнее извращение человеческой культуры!

И та же участь ждала их с Халле.

Технологии настоящих таблеток Коркранц не знал, но для них нужна была лишь кровь, и то немного. Здесь же, как он с ужасом осознал, для изготовления одной таблетки требовалось целое существо.

Тело существа.

Наказатель оперся на стол, наклонился, и его вывернуло.

После этого он почувствовал себя лучше, даже в глазах посветлело.

Нужно выбираться и вытаскивать Халле. Когда же окончится действие таблеток? Этот вопрос занимал его довольно сильно, учитывая, что того лося видели на протяжении трех недель.

Внезапно Коркранц почувствовал себя один на один со всем преступным миром. Почувствовал собственную уязвимость и уязвимость Халле, который так хорошо умел думать в кабинете над бумагами, чередуя чернейший чай и горчай-

ший кофе; и так хорошо умел задавать вопросы в полутемной комнате, никогда не срываясь на крик и не переходя на личности.

А тут, в залитом светом доме, на чужой территории, куда его заманили, как в ловушку? Что успел он спросить у брухи, прежде чем отведал страшных пирожков?

Повинуясь внезапному порыву, наказатель схватил одну из таблеток и сунул в карман. Неизвестно, представится потом случай собрать улики или нет.

Он понял, что крашенная белым дощатая дверь ведет под ту часть дома, куда ушел Халле, а следом и Веласка. Не глядя более на бесстыдный, неприкрытый в своей рациональности анатомический театр, Коркранц вытащил револьвер и быстро, бесшумно, боком двинулся к этой двери.

Покойся с миром, Шеф. Я похороню тебя по заветам, пообещал наказатель, и скрежетнул железными зубами.

За дверью обнаружилась не комната, а клетушка с косым потолком, и Коркранц понял, что он под лестницей.

За деревянной стенкой он услышал голоса.

Не мешкая более, он одним ударом плеча вышиб дверь и выломился на их звук.

Бруха и Халле стояли рядом.

– Хватай его! – басом сказала Веласка, протянув руки и впившись невидящим взглядом куда-то правее Коркранца. Пирожок, понял наказатель. Она же тоже съела пирожок.

С таблеткой более-менее понятно, а вот чье мясо... Не

думать. К тому же от большей части пищи и препарата он избавился.

Коркранц все равно почти ничего не видел, относительно ясным оставался только скудный пятак в центре поля зрения. Но этого ему хватило, чтобы различить, что случилось с Халле.

Оставалось только порадоваться, что он не оставил дознавателю револьвер.

Халле был обнажен по пояс, казалось, он стал выше, ссутулился. Руки с внезапно удлинившимися пальцами были оплетены синими венами. Ярко-голубые глаза блуждали, словно собираясь обморочно закатиться.

И теперь наказателю стало понятно, куда делась вторая шляпа Дружка.

Тот снова нахлобучил ее.

– Таблеточку дала... – одними губами, на вдохе ужаса, повторил Коркранц.

Халле, который теперь был Джокком, сжимал казенный нож, метя снизу вверх. Примерно Коркранцу под вздох. За поясом был заткнут второй нож, столового серебра.

– Халле, это я! – крикнул наказатель. Он хотел прицелиться в брюху поверх плеча напарника, но не рискнул – он почти ее не видел.

– М-гм-м-м... – согласно промычал Халле. Светлая челка упала на один глаз, делая его почему-то похожим на ненастоящего, карнавального мертвеца.

Тут дверь вверху, над лестницей, распахнулась, и в комнату ввалилась толпа озверелых, пришедших на помощь брухе.

Коркранц попятился и побежал вниз по лестнице. Она вела куда-то в глубины этого огромного здания на склоне обрыва, часть которого Веласка замаскировала под небольшой домик.

Он не мог бы выстрелить в Халле, совсем никак не мог, хоть и понимал, что сейчас это не совсем его напарник. Но терзал, терзал смутный страх: что, если таблетки эти не прекращают свое действие? Или, по крайней мере, прекращают не так быстро, как хотелось бы?

Хотя бруха же запросто рискнула зрением? Значит, противоядие есть?

Вниз, вниз, вниз. Погоня застопорилась у начала спуска: озверелые мешали друг другу. Это порадовало наказателя.

Он на бегу сунул оружие в кобуру. Вдруг что-то мелькнуло перед глазами, и Коркранц услышал ужасающий, необратимый, как свист гильотины, звук, столь же короткий и неприятный. Только хрустящий. Очки. Они упали, и он наступил на свои очки.

Он отдернул ногу, как будто это могло что-то изменить.

Ужас обуял Коркранца, взметнулся по позвоночнику, словно кот взлетел по спине, и невидимые раны заполнил холод, а потом – одуряющий жар.

Без очков наказатель Коркранц был беспомощен.

Он нагнулся, поднял их. Они походили на мертвое суще-

ство, словно Коркранц подобрал убитую громом птицу или уничтоженную ядом саранчу. Стекло и металл остались на месте, но ни целостности, ни толка в них больше не было. Оправу повело, одна линза лопнула пополам и едва держалась, вторая покрылась сеткой трещин. Прямо под его взглядом кусок чистейшего толстеного стекла выскользнул из стальной оправы и упал, разбившись, судя по звуку, на мелкие осколки. Линза перестала существовать, и надежда, которая была у наказателя на это стеклышко, погасла как метеор, не успев разгореться. Коркранц помотал головой. И так чем дальше, тем хуже, а теперь он вообще с трудом понимал, что делать.

Ладно, нужно двигаться дальше. Он уже слышал погоню. Осторожно надел очки. Не нравились ему острые кромки стекол возле глаз, но без очков наказатель не видел вообще ничего.

Лестница. Может, по ней удастся выскочить на дно оврага, а уж оттуда, лесом, он как-нибудь доберется до подземки и до Пятерки. Если та никуда не уйдет к тому времени.

А может, даже найдется какое-то ответвление, технический ход к станции или еще что-нибудь.

Собственно, не заканчивается же лестница тупиком. Или в доме брухи не исключено и такое?..

На ступеньках было темно, видел он все хуже, но спускаться ниже и ниже казалось странно приятным и правильным. Не терпелось добраться до пола и зарыться в эту зем-

лю. Она укроет, она не предаст. Зарыться под плиты, в рыхлую черноту покоя, полную корней и пищи. Темноту, где все равно, видишь ты или нет.

Осознавая странность своих мыслей, Коркранц спускался как мог быстро. Позади него, пока вдали, ухаля и стена-ла опасность, которой он пытался избежать. Наказатель коснулся рукояти револьвера. Шесть патронов. Совсем-совсем мало. Жаль, плащ остался на вешалке.

Он не мог и думать о том, чтобы стрелять в Халле. Он обязан выбраться и рассказать правду, но... Интересно, а Шеф смог бы в такой ситуации выстрелить, скажем, в него?

Наверное, да.

Он внезапно подумал, что их управление никуда не годится. Дознаватели не видят дальше своего носа, да и он, заслуженный наказатель, попался как последний профан.

Площадка, короткий коридор, дверь. Коркранц проскочил в нее, задвинул старый кованый засов, покрытый чудовищным слоем пыли, и отскочил подальше, вспоминая про нож Халле. Оступился на короткой лестнице, пробежал вперед и уткнулся в стену. Куда дальше? Он почти ничего уже не видел и шарил по стене вслепую, яростно щурясь через половину линзы.

Нужно было что-то делать. Бежать дальше он не мог, не понимал куда; становилось опасно, да и смысла не было – вполне возможно, он пропустил уже десяток спасительных выходов.

И если он только правильно помнил, откуда прихватил улику...

– Никаких таблеток в мою смену... Больше никаких таблеток, – пробормотал наказатель Коркранц.

Сунул руку в карман и вытащил большую похожую на жука капсулу, внутри которой пересыпался порошок.

Дверь дрогнула под ударом, и в открывшуюся щель устремились жадные всхлипы и голодный рокот преследователей.

Погнутый засов, как ветеран, прикрывающий отход в своей последней схватке, уперся и не сдавался, но с жутким скрипом вылезали из двери держащие его гвозди.

Коркранц положил таблетку в рот и не жуя проглотил. В надежде, что не ошибся.

Грянул еще один удар.

Сквозь единственный уцелевший участок очков он смутно увидел тяжелую розовую лапу, проникшую в щель. Она искала засов. Наказатель вжался спиной в стену.

И еще. Драматически, скрипично взвизгнули гвозди, низ перекосившейся двери уперся в ступень, давая ему еще несколько секунд.

– Сейчас все будет, – сказал Коркранц изменившимся голосом, заложил, словно швейцар, левую руку за спину, а правой достал револьвер. – М-мы защитим нашу крепость... – замурыкал он что-то из Ластера и взвел курок. Отбросил мешающие очки в сторону, заметил тоннель в темноте справа и начал отступать, когда дверь слетела с петель и тол-

па устремилась вниз по лестнице.

– Сейчас все будет, – повторил он, глядя вверх ствола в лицо Халле, вооруженного двумя ножами – служебным и кухонным, – и нажал на спуск.

К Зверю

Это место многим снилось в кошмарах. Пусть даже они никогда здесь не бывали.

Воспаленное солнце уже кануло в дым над далеким горизонтом, и розоватое свечение, как заражение, охватило полнеба. С востока же, видимая в прорехах туч, скалилась щербатая луна, восходя над оставшимся позади ристалищем. Пепел уничтоженных армий запятнал мои сапоги, железные носки их закоптились. Я чувствовал себя так, словно на моих плечах лежало полмира.

Но это больше не соответствовало действительности.

Изогнутые ветрами деревья, которыми зарос холм, сбросили листья, истлевшие до жил, и ничто не закрывало мне вид на Двор Хинги. Низкая башня, темные окна, светлые фигуры во дворе, отделенные от меня мощным частоколом. Он вроде бы стал выше с прошлого раза, будто заостренные бревна выросли из земли. Вполне возможно, так оно и было.

В прошлый раз... В прошлый раз я видел эту дорогу, покрытую марширующими ордами. Чудовища ломали деревья, ожившее железо с лязгом двигалось на восток, изрыгая дым и молнии; крылатые создания реяли над рядами, над знаменосцами, у каждого из которых на древке плясал негасимый язык пламени. Вспоминая тот пронизанный искрами, черный и оранжевый вечер, когда Гейр и Беймиш шли здесь ря-

дом, во главе колонн, хотелось кричать. Я знал это место еще со времен, когда Гейр разъезжала на Звере, тут и дальше к востоку, наводя ужас на любого и каждого.

Теперь здесь живет лишь Хинга.

Ненавижу.

Я хотел сказать это вслух и в сотый раз не смог, и это было хуже любого кошмара. Я стиснул и кулаки, и зубы, пытаюсь подавить наступающую панику, осадить ярость. Она мне еще понадобится потом, когда я доберусь до Башни и позову Зверя.

Если он не ответит мне, я войду в Башню сам. Но лучше бы ему ответить. Лучше тебе, Беймиш, ждать меня уже сейчас, ибо я приду.

Ночь опускалась, утаскивая дымной лапой больное солнце за горизонт. Я устал. Молчание становилось все тяжелее выдерживать. Выдвинул меч из ножен, взглянул на узор на лезвии. Линии выровнялись, напряглись, как струны, а значит, близился переломный момент. Мой меч чувствовал такие вещи лучше меня. Да все вокруг владели сейчас ситуацией лучше, чем я.

Меня списали со счетов.

Не в добрый час я пришел в это место, умытое кровью и обожженное войной. Но мне некуда больше идти, позади меня тоже никто не ждет. Все осталось на том поле, где люди захлебнулись собственной яростью в последнем бою. Я слышал, как кричали вороны перед дождем там, позади. Что ж,

и здесь им тоже вскоре будет чем поживиться: прямые линии на мече обещают мне новую схватку и победу в ней.

Я многое вложил в свои вещи. Мне всегда было трудно справляться с ощущениями, я не доверял им. А вещам доверял. Жаль, из них у меня остался лишь меч. Или следует сказать: хорошо, что у меня остался хоть он?..

Я не знал ответа; а если бы и знал, не смог бы его произнести. Ибо кроме меча был еще и Горн. Сжимаемый сейчас липкими, слюнявыми его устами. Его, Беймиша. Я забуду его ему в глотку, если доберусь. Ты слышишь меня, Зверь? Если слышишь, готовься. Если нет... Я иду все равно.

Ветер налетел сзади, потянул за плащ цвета пепла и грязи, цвета дорожной пыли.

Я беззвучно вздохнул и начал спускаться с холма, поглядывая на тех, кто стерег Двор. Они не могли бы узнать меня, даже если видели раньше: я шел пешком, шлем потерял еще в бою, и плащ окутывал меня с головы до ног. Тяжелой, гудящей головы и усталых стоптанных ног. Мне было трудно дышать, и на то была своя причина.

С ворот, с заклепок, покрытых патиной, смотрели угрюмые морды древних существ. Но меня нельзя отвадить такой простой магией.

Я знал, куда следует нажать, чтобы открыть эти ворота, и надеялся, что Дрейн еще не побывал здесь и не изменил механизм.

Как я и полагал, никто не ждал моего прихода: когда ны-

нешние враги видели меня в последний раз, я, лишенный сил, голоса и смысла существования, стоял на коленях посреди поля угасающей битвы, и обе стороны сражения были готовы снести мою голову.

Была еще одна причина, по которой меня считали погибшим, и она не давала мне покоя. Во всех смыслах этого простого и емкого слова. Покой. То, чего я желал сильнее всего на свете и на что не мог рассчитывать.

Я пересек Двор, пустой, вытоптанный и не такой уж большой.

Я шагал, глядя на тех, кто охранял его, и молчал. Мне нечего было им сказать, даже если бы я мог это сделать. Это был не тот вечер, чтобы разговаривать с мертвецами, настоящими ли, будущими ли. Они же не сделали и шага навстречу мне. У них были другие приказы.

Они защищали вход, в доспехах, покрытых белой эмалью, с алыми бубнами на груди. В прежние времена эти знаки напоминали мне открытые раны. Сейчас мне было все равно.

Я не знал, лица там за опущенными забралами или черепа. В любом случае мне предстояло вскоре увидеть и то и другое.

Никто из них не ожидал встретить именно меня. Я вынул клеймор, линии на лезвии оставались ровными. Имя моему мечу было Сталь, и никакая другая сталь в мире не могла противостоять этому клинку.

Трое бросились ко мне, еще шестеро рассыпались, окру-

жая, с боков, и один остался охранять дверь. Я смотрел на всех них сверху вниз, хотя никто из них не был мал ростом.

Они напали одновременно, и я ударил с размаху. Лезвие Стали прошло сквозь панцирь, словно то была арбузная корка; я оттолкнул кого-то рукой в грудь, повалив его на двух других, тем самым немного очистив левый фланг, и проткнул первого, кто подскочил справа. Второй скрестил со мной клинок, и лезвие его упало, срезанное. Упала и его голова.

Третий хотел достать меня глубоким выпадом, но мой меч оказался длиннее, и я пробил ему забрало.

Больше никто не успел сделать ни одного верного движения, и спустя несколько секунд все они лежали поверженные, а их кровь, алее эмблем, растекалась по белой эмали. Последний замах болью отозвался в сердце. Я не ожидал, что устану, но дыхание сбилось после короткой стычки, и снова я подумал, что могу не дотянуть до момента, когда Зверю придется ответить на мой вызов.

Отбросив такие мысли, я полоснул мечом вдоль дверной щели, разрезая внутренние засовы, и вошел в коричневую темноту холла.

Никто не встретил меня, а поиск нужной комнаты не занял и минуты.

Хинга, книжница, подняла разваленное надвое лицо от гримуара в алой коже и посмотрела на меня широко расставленными темными глазами. Она читала, наверное, весь день,

и дорожки крови пролегли от уголков глаз. Костяной нос – провал в обнаженной, видимой, полосе черепа – с шумом втянул пыльный воздух, густой от запаха сотен сгоревших свечей.

– Ты? – спросила она хрипло, облизав шрам, раздвоивший губы, раздвоенным же языком. Она никогда не говорила, где получила такую рану. Думаю, это и не рана вовсе.

Я не ответил. Пока не мог. Повисла тишина, но под моим взглядом она содрогнулась и, схватив перо, вывела знак на чистом листе, лежавшем перед ней.

Кровь с меча капала на пол: я направил его в грудь хозяйке, и она отпрянула, бросив перо. Я взглянул на лист, но он был чистым. Мне это не нравилось.

Я подошел к столу, положил Сталь поперек гримуара – кровь сразу же впиталась в пергамент без следа – и выдрал из книги страницу.

Хинга вскрикнула. Больно, конечно. У книжниц и книг всегда неразрывная связь. Поэтому я выдрал еще одну, с картинкой.

Хрипло закаркал Прокл, ворон Хинги; забил крыльями. Он сидел в клетке на подоконнике. Видно, снова был за что-то наказан. Книжница держала его, чтобы он диктовал ей книги, когда она их переписывает, и Прокл, случалось, нарочно начинал нести чепуху.

Блики свечей гуляли на бронзовых ромбах, покрывавших черное одеяние Хинги. Огромное горячечно-багровое солн-

це, разъединенное далекими дымами, заливало комнату мутным недобрым светом, и если цвет способен передать угрозу, то это был именно он. Я всегда любил такие закаты. А в грозу мне везло вдвойне.

Тяжелая коса Хинги, заплетенная медной цепью, нервно дергалась, но книжница не смела сказать мне ни слова. Я ненавидел книжницу за то, что, имея возможность говорить, она не имела смелости воспользоваться ею. Ненависть обжигала мое сердце, как тогда, когда легионы Солтуорта под зелеными флагами ударили из засады и полегли пеплом под черными молотами Гейр. Я был там, видел, как раскаленное оружие пробивает дымящиеся дыры в крепких доспехах, видел, как слепящая оранжевая ржа тления плавит сталь, как чернеют и обугливаются яркие, как листья, штандарты, и черные волосы Гейр были убийцам вместо стяга, и пепел застилал небо, как ненависть застилала мои глаза. В то время у меня был голос, и я кричал.

Я взял со стола перо и написал на вырванном листе три знака, обозначающих вопрос «Где он». Узор на мече дрогнул и выпрямился вновь. Я все делал правильно.

– Как ты?.. – спросила она, снова облизнув мертвые, цвета старой кости, передние зубы. Ей было немало лет – впрочем, внешне эти годы отразились лишь омертвевшей раной, рассекшей ее лик пополам, – и она немало повидала, учитывая, что каждая вторая из прочитанных ею книг могла свести человека с ума. И каждая из написанных, я полагаю.

В ответ я снова показал ей лист с моим вопросом.

– Он убьет меня, если я скажу тебе. Или ты вернешься и убьешь меня.

Я взял меч и медленно провел лезвием, отрезая страницу. Хинга задрожала; из-под края шрама, там, где изуродованная плоть прилегала к кости, показалась струйка крови.

«Не вернусь», – написал я. Ворон кричал в клетке, нервничал, перебирая прутья клювом.

Я не врал, я не собирался возвращаться ни в случае победы, ни в случае поражения. Я хотел одного: отомстить Беймишу и вернуть свое. Голос, коня и все остальное, что он у меня отнял.

Я приложил лезвие к книге и посмотрел ей в глаза.

– Он в Башне Зверя, – сказала она.

«В какой книге?» – написал я. На том же листе, потому что Хинга ответила на предыдущий вопрос. Заканчивать фразу не было смысла, она знала, что я хочу спросить. Мне нужен был мой голос, и ничего больше. От нее – ничего.

Она не ответила, и я смял несколько страниц, вырвал их и швырнул в окно. Против умирающего заката они показались черными птицами. Ворон в клетке кричал, не переставая.

Хинга закрыла лицо руками.

За дверями уже слышался шум. Недаром книжница успела написать тот один знак на чистом листе. Он обозначал меня, только проступили чернила не здесь, а где-то там, в кордегардии, на таком же пустом листе. Да, охрану Хинги уси-

лили. Наверное, сам Беймиш приказал.

Видимо, она что-то поняла по выражению лица. Мои яркие зрачки отразились в ее темных глазах, и книжница отпрянула.

– «Воцемал»! – крикнула она. – Это был «Воцемал»!

Я спешил. Написал один знак, и тот коряво.

«Сюда».

Она закусила четверть губы и мотнула головой. Коса ее хлестала, как хвост нервного зверя. Она думала, что может выиграть время.

Я ухватил ее за косу и приставил меч уже не к книге, а к ее лицу, к переносице.

Я мог лишить Хингу глаз одним движением. Тогда она была бы еще более беспомощна, чем я без голоса или Дрейн без левой руки.

Уставившись на лезвие как замороженная, она протянула руку в сторону, и ее когти, похожие на птичьи, нащупали нижнюю в гряде книгу в истертом переплете.

Она подала мне ее, и я выдернул том из безобразной лапы в тот самый момент, как дверь за моей спиной распахнулась. Арбалетчики, люди с дубинками и рогатинами, а двое – и с кремневыми копьями, в кожаных доспехах и при деревянных щитах, ворвались в комнату. Конечно, никакой стали. Эти пришли уже именно за мной.

Я толкнул Хингу на стол, опрокинув свечи на книги. Рукописи не сгорят, а вот комната – да.

Схватил книгу зубами за корешок, освобождая вторую руку, и перехватил меч поудобнее. Вкус у переплета был мерзкий, словно я держал во рту сдохшую от яда крысу.

Щелкнули арбалеты, и пять стрел, пущенных в упор, полетели в меня. Я взмахнул Сталью – тут мой меч не мог ошибиться – и отбил все пять. Он сам ловил их, чувствуя летящий металл. Наконечники рассыпались в пыль при встрече с лезвием. Древка разлетелись в разные стороны.

Они двинулись на меня, выставив копья и рогатины. Я обрубил одну, вторая уперлась мне в шею, копьё ударило в бок, соскользнуло по доспеху.

Я вырвал его на себя, отведя мечом второе, устремившееся мне в глаза, и едва успел отшатнуться. Пора было уходить – линии узора пошли изломами, рисунок заколебался.

Один, потеряв осторожность, сунулся под руку, и я зарычал, швыряя его на остальных. Они отступили – моментально, и арбалетчики снова прицелились. Быстрее, чем я ожидал. Повисла секунда тишины, даже Хинга замолкла между всхлипами.

На этот раз у них получилось лучше: одна стрела обожгла мне щеку и прошла капюшон, вторая рассекла сапог, зацепив щиколотку. А стрелки уже снова взводили механизмы.

Я развернулся и бросился прочь, на ходу закинув меч в ножны: он всегда верно попадал в них, чем сильно облегчал мне жизнь.

Плащ, цвета дыма в полумраке, скрыл меня, когда я мет-

нулся к окну, и стрелы досадливо свистнули вслед. Я сшиб клетку с Проклом и вывалился в окно, на широкий карниз. Сейчас мне следовало бежать как можно скорее. Я сунул книгу под плащ, спрыгнул прямо в обрыв перед домом и поспешил под защиту кустарника. Клетку с ошалевшей птицей я подхватил на бегу – она застряла в промоине и далеко не скатилась.

Молнии били в шпили дома, когда я ссыпался вниз по склону и бросился к лесу, прижимая к груди клетку с воронном. Еще одна стрела пропела неподалеку, на излете, а вторая ткнулась в защищенную панцирем лопатку так, что я чуть не полетел кубарем, но больше меня никто не преследовал. Они не хотели оказаться в Лагвуде ночью, а Хинга, наверное, пока не могла обеспечить им безопасность.

Сумерки уже затопили лес, туман разлегся в низинах, и сапоги тонули в нем, в тонкой пленке. Пни расчищенной опушки, подернутые туманом, кряжистые, казались чужеродными, исполненными какой-то странной симметрии. Это было неудивительно – лес Лагвуд рос на костях существ, которых даже мне сложно было представить. Впрочем, у Хинги были книги и о них, и о многом другом. Через несколько минут она придет в себя и тотчас пошлет погоню, а еще сообщит своему брату и Беймишу.

Итак, книга у меня, путь известен. Недостает мне теперь лишь того, кто понесет меня по этому пути, и еще одной вещи. У меня есть время до рассвета, чтобы вернуть себе голос

и вызвать Зверя. Вызвать там, у его Башни, где всегда стоит запах пепла.

Лес сомкнулся надо мной, сухие листья шептали мне, но я не в силах был им ответить. Наступала ночь, а в темноте все мои дороги были короче.

По пути, забравшись достаточно далеко в низины, – никто не тронул меня в лесной тьме, я всегда любил этот лес и никогда не причинял вреда его обитателям, – я выбрал ложбину меж огромных корней, сел и достал книгу.

Я знал, кто и как лишил меня голоса, теперь нужно было узнать, как произнести хотя бы одно слово. А лучше два.

«Воцемал», как и все подобные вещи, нельзя читать при свете дня. Вот почему у Хинги в доме всегда темно. Тут, в низинах Лагвуда, еще темнее, а значит, книга легче расстанется со своими секретами. Я не такой хороший книжник, как Хинга.

И под чье-то тихое рычание глубоко в лесу, согревающее мое усталое сердце, да под робкий шорох перьев Прокла, некрепко задремавшего в клетке, я стал читать. Темнота помогала знакам проникать в мое сознание. Я должен был хорошо разобраться в ритуале и найти подтверждение своим догадкам: чтобы отнять свой голос у Горна, хотя бы на несколько секунд, мне требовались голос колдуна, голос или язык мастера, изготовившего Горн, и то, что сгодилось бы за мой голос или язык, и звук самого Горна. Полностью вернуть себе Голос, тот, который с большой буквы, я мог, лишь

завладев Горном, а он был у Беймиша.

Прочитав все и повторив про себя, я закрыл книгу и положил ее меж корней. Лучше ей оставаться здесь.

Потом открыл клетку с Проклом и взял ворона на руки.

«Будешь говорить вместо меня, птица», – подумал я, и да, ворон произнес эти слова вместо меня.

Прокл согласно каркнул в ответ самому себе. Я произнес его голосом простое заклинание, которое связало нас. Словесная магия всегда удавалась мне лучше, чем остальным. И хотя в итоге это привело меня туда, где я находился сейчас, в том числе и к потере Голоса, моей силы, возможности словом управлять всем, чем я хотел, – на такое дело, как заставить говорящую птицу произносить мои мысли, меня пока хватало. Но чувствовал я себя не очень хорошо. Саднила щека, рана на ноге до сих пор кровоточила, и ныло, не переставая, сердце – даже здесь, в середине милого мне леса.

Итак, какой-никакой голос у меня теперь был. Трубить в Горн при моем приближении Беймиш будет обязательно – без него он не сможет руководить обороной Башни. Оставив в живых Хингу, я позаботился о том, чтобы он узнал о моем приближении.

Теперь уже все знали, что я иду. Если, конечно, кто-то посчитал нужным сообщить Бауту. Но Дрейн, брат книжницы, точно знал. Что ж, пришло время проведать и его – стало светлее, луна обогнала медленно наползающую грозу, зашумел в верховьях влажный ветер, и я продолжил свой путь

сквозь ночной лес. Погони за мной так и не случилось.

Наступил поздний вечер, когда я вышел из леса. Плащ цвета сумерек покрывали сор и паутина, подол был влажен, а сапоги в грязи.

Ворон сидел на моем плече и никуда не улетал.

Он был полезной находкой – предстоял разговор не менее сложный, чем с Хингой. И мне хотелось иметь возможность изъясняться как-нибудь, кроме как знаками на бумаге. Здесь бумаги не было, здесь меня ждал металл. Что, в принципе, было бы неплохо, не поджидай меня и кузнец.

Но я должен был с ним встретиться. С тех пор как закончился тот последний бой, в котором людские силы пали, мой конь оставался у него.

Впереди, в темноте, освещаемый сполохами горна, виднелся Двор Дрейна. Низкие крыши отсвечивали под иззубренным месяцем.

К нему легко было проникнуть: мой меч разрезал железные прутья ворот, словно заросли крапивы, и я вошел во двор лучшего мастера магии на этой стороне мира. Кузнец был искусен во всем, что касалось изготовления вещей.

Да, это он ковал Сталь. Теперь я шел за ним со Сталью в руке.

Да, это он подковывал моего коня. Теперь я шел забрать его.

И, конечно, это он ковал Горн. И мне нужен был его язык. Дрейн бил молотом по заготовке, не обращая на меня вни-

мания. Шлема он не снимал, даже оставаясь в одном кожаном переднике на голый торс. На каждый удар я просто делал шаг, пока не оказался достаточно близко, чтобы он почувствовал мое присутствие.

Его кожа казалась свинцовой, клиновидные нащечники шлема оставляли на виду злой рот, полный железных зубов. Он не слишком-то походил на человека. Не более, чем я. И почти не уступал мне ростом.

– Ты?! – взревел он скорее в страхе, чем в ярости, но перехватил свой молот и размахнулся. И я понял, что он, увлеченный работой, ничего не успел узнать, даже если Хинга послала ему весть.

Перед глазами на мгновение встала картина: молотобойцы Гейр, запах жженой плоти, брызги крови и тупой грохот уничтожаемого металла.

Гейр. Я отомщу за тот бой. Пусть путь к Башне предстоит еще долгий.

Я отбил его первый замах, да и второй тоже. Он сражался левой рукой, как делал и все остальное. Третью атаку я пропустил, и его молот обрушился на мое плечо. Прокл взмыл в сторону мгновением раньше, и страшный удар швырнул меня на колени.

Доспех, кованный этим самым молотом, лопнул, плечо онемело.

Он выпустил молот и отступил.

Молот продолжал держаться в воздухе.

Кузнецу не обязательно касаться своего инструмента, чтобы заставить его работать. Дрейн был мастером, достойным занимать трон Беймиша. Но мне нужно было одолеть его.

Еще один удар. Панцирь треснул, осколок вонзился мне в бок, и я едва успел прикрыться рукой от удара в голову.

Ворон кружил надо мной, крича. Он мог кричать. Я – нет, даже от боли.

Я ударил мечом прямо по бойку молота.

Я никогда не думал, что мне придется такое сделать. Инструмент, выковавший Сталь, вроде бы был сильнее. Но Сталь, владычица над всем металлом, имела верховную власть. Я не знал, что получится.

Получился удар страшной силы, меч вывернуло из моих рук, молот отлетел к стене и упал на землю, а я вскочил на ноги и рванулся к Дрейну.

Я свалил его кулаком, прежде чем он снова сжал невидимую руку на рукояти молота.

– Где мой конь? – прокаркал ворон, севший на плечо. Я стоял неподвижно, пряча лицо в тени капюшона. Я не любил яркого света, а огонь в горне пылал ярко.

– Я не скажу тебе, – ответил кузнец. – Я ковал твой клинок с твоей кровью, ковал Горн с твоим именем на устах, ковал подковы Викла... Но я не верну его. Скажу лишь, что, раз Горн у Беймиша... – Он помолчал. – Ни меч, ни конь тебе не помогут.

Я поднял Сталь и взмахнул ею, полоснув Дрейна по паль-

цам левой руки. Не отрубил, но металл скрежетнул по его тяжелой кости. Бил я точно.

– Где Викл?! – рявкнула птица. Ее голос казался еще более недовольным, чем был бы мой собственный. – Отвечай, иначе я начну отрезать тебе пальцы по одному!

– В лесном стойле. Там, где ты первый раз увидел его. – Дрейн зло сплюнул, во рту блеснул металл. Я задумался о том, сколько вообще металла в его теле. Наверное, я плохо изучил их всех, раз в итоге все так обернулось.

– Пошли! – коротко скомандовал ворон.

Мы покинули двор через задние ворота и углубились в дубовый лес. Я подталкивал кузнеца мечом в спину, подавляя желание размахнуться посильнее и уложить его на месте. Старые пожженные молниями деревья скрипели на ветру, гром рокотал почти непрерывно. Месяц на небе напоминал улыбку убийцы. Мне искренне нравились эта ночь и погода. Жаль было только, что я не мог просто наслаждаться. Да еще и сердце болело.

Мы вышли к низкому строению на внезапно открывшейся вырубке. По углам стояли столбы с железными самострелами и страшными мордами на прибитых щитах.

Дрейн сказал что-то – видно, успокоил самострелы, – и мы подошли ближе.

Викл заржал, радуясь мне. Он был бледен, красные глаза его отсвечивали в темноте, шрамы на ногах чернели нитяными крестами, и железные копыта блестели в полумраке

шлифованной сталью.

Мой конь, для которого не существовало непроходимых дорог.

Я вывел его под свет луны. Викл был высок; стальные, как и у кузнеца, зубы поблескивали в отсветах молний. Он ел все.

– Хинга говорила, – прошипел Дрейн, сверкая железным языком, – что есть заклятие, способное вернуть тебе силу за счет твоей крови, взятой для меча, и железа для коня. Для этого ты должен зарубить Викла Сталью и...

Я ударил кузнеца в челюсть, располосовав костяшки о стальной язык. Моя кровь потекла по его подбородку, и он лихорадочно стал оттирать ее изнанкой фартука. Легкий дым поднимался от кожи.

– Ты врешь, – сказал ворон.

Конечно, он врал. Хинга ничего не говорила ему, иначе он бы ждал меня.

Дрейн зло глянул на меня.

– Я сказал это, чтобы ты зарубил коня, – ответил он наконец.

Я вынул Сталь и отсек его лживый железный язык. Ему легче, он просто скует себе новый.

Взлетев коню на спину, я взглянул на меч. Линии были извилисты. Никто не знал, чем закончится мой путь, и я собирался выяснить это как можно скорее.

Итак, я обрел голос, но не Голос, добыл язык кузнеца, вер-

нул своего коня и теперь мог не беспокоиться о дороге. До тех пор пока Беймиш не разберется с Горном окончательно. Он – победившее зло. Я вспомнил крах Солтуорта, последней человеческой надежды. Вспомнил искаженные яростью черты Гейр. Предательское оружие, бьющее в спину. Смятение рядов, грохот заклинаний и свист стрелы.

Я успел тогда сказать два слова. Это меня и спасло.

Но мне было крайне необходимо произнести еще два. Одним я воззвал бы к Зверю, а вторым... Для этого у меня еще не все было готово. Но ночь продолжалась, и я надеялся успеть.

«Он заплатит мне за все», – подумал я и понял, что ворон произнес это вслух. Викл одобряюще всхрапнул. Он любил месть.

Была глубокая ночь, когда мы покинули окрестности Двора Дрейна. Он смотрел нам вслед, молча, конечно. Луна таращилась сквозь рваные облака, словно чужак через занавешенное окно.

Викл нес меня, безошибочно выбирая дорогу. Мой плащ, цвета тумана и низких облаков, развевался на ветру, и дождь срывался тяжелыми каплями, но все время отставал. Серебряная и синяя печаль владела миром, но там, на западе, на краю неба, я видел тонкий темный штрих – логово Баута, где он сидел на своем каменном престоле, глядел на мир глазами предателя, а дочь его, цветок Анна-Белл, спала в своей постели.

Я собирался нарушить ее сон. Я добыл уже и книгу, и коня, и ворона, и железо. Все, что мне было нужно, – это сосуд. Некоторые заклятия я знал и безо всяких книг.

Но без Голоса мне нечего было и надеяться ни использовать сосуд, ни вызвать Зверя. А если он не ответит на вызов, мне останется лишь постоять у подножия Башни и уйти.

Ворон крикнул коню, и мы полетели быстрее. Старые деревья слились в полосы; мы проскакали по мосту, разбивая его в щепки, но я не успел услышать, как бревна упали в воду, – теперь мы были уже далеко. Дорога пошла в гору, потом свернула, но мы – нет. Викл вознес меня на лесистый холм, а когда чаща стала совсем густой, помчался подобно белке, отталкиваясь от стволов, прыгая от дерева к дереву. В его копытах скрывалось множество механизмов, дававших ему немало возможностей, и каждый был напоен магией Дрейна.

Потом мы спустились в низину, пересекли болото, где какая-то тварь с белыми глазами пыталась схватить Викла за ногу, после выбрались из леса и вернулись на дорогу. Встречный ветер забивал дыхание, но конь был неутомим. Ворона же мне пришлось спрятать под плащ – Прокла сносило ветром, и он не в силах был догнать нас.

Замок приближался. Я видел его много раз, но все равно что-то стеснило мне сердце, и боль прошла по всему телу, так, что сдавленно каркнул Прокл под плащом, ощутив мое состояние.

Мы вломились во Двор Баута через закрытые ворота: Ви-

кл набрал такую скорость, что выбил их, выбросив вперед копыта. Людей из стражи разметало, и мы не остановились подле них.

Конь замедлил свой бег. Мощенный камнем двор тонул в тени пузатых башен под конусами черепичных крыш. Каждая черта была знакома мне здесь, каждый камень. Только флаги на башнях, двуязыкие флаги, цвет которых был неразличим в темноте даже для меня, были чужими, и ветер трепал их так сильно, словно хотел сорвать.

Раньше это место звалось по-другому. Тогда и Баут еще мог называться человеком, сражаясь на стороне людей. Теперь, когда все человеческие силы были раздавлены, отброшены прочь, он занял эти стены. Приспешник Беймиша, страшного косиньера, в той битве десятками резавшего бывших союзников Баута своим непомерно огромным оружием.

Я спешил к самым дверям, и камень дрогнул под моими ногами. Никто не ждал меня здесь. Даже странно это было после того, что я сделал с Хингой и Дрейном. Но кто станет предупреждать Баута? Он всегда будет смердеть предательством, и своей стороны отныне у него нет.

Он вышел, чтобы увидеть меня, стоящего возле коня со стальными копытами, меня, в плаще цвета ночи и предрасветных туч. Наверное, он не видел моего лица, только подбородок и отсвет глаз: оранжевого и зеленого. Большой ворон на моем плече хрипло закричал при виде Баута, выдохнув облачко пара.

О, он был не один. Никто не дал ему сторонней охраны, но его люди стояли за ним, и их было много.

– Я пришел за Анной-Белл, Баут, – сказал ворон. – И за мечом. Он по-прежнему в крови?

Тут мне оставалось надеяться лишь на слово, сказанное перед тем, как я пал.

– Даже Анна не смогла отмыть его. Но ты не получишь здесь ничего, кроме смерти, раз уж не захотел достойно встретить ее там, при падении Солтуорта.

– Смерть сегодня пришла со мной, – ответил Прокл моими словами.

Хорошо, что кровь Гейр осталась на мече, ударом которого в спину убил ее Баут. Мне нужна была эта кровь.

– Убирайся! – сказал предатель рода человеческого.

– Отдай мне дочь и меч, и я оставлю тебе одну руку и одну ногу.

Баут, одетый в черное, со своим широким, вечно каменным лицом, взмахнул рукой, и стрелы полетели в меня.

На этот раз я не стал отбивать их. Повинуясь моей ярости, ворон произнес слово, и магия Стали отреагировала на него. Это не было так уж сложно и не требовало моего настоящего Голоса.

Изменив путь, стрелы ринулись к Стали, и я взмахом заставил их последовать за острием, как косяк рыб, отшвырнув в сторону. Металл рассыпался в пыль, и я сделал шаг к Бауту.

И его охрана отступила на шаг.

– Убейте его! – крикнул он.

Они бросились на меня, обнажая мечи, защищая своего господина, за которым последовали, вынужденные стать уродами у пиршественного стола чудовищ.

Я убил половину из них, прежде чем первый коснулся меня. Его меч подсек мне ногу. Я взял его голову левой рукой и сжал так, что хрустнула кость. Он упал, и я зарубил еще двоих. Ворон так и не покинул моего плеча. В этой битве оно было самым безопасным местом.

Остальные откатились, взяв меня в неровное, нервное кольцо. Даже при луне я видел, как побледнел Баут. Черная щетина выделялась на его белом лице, словно штрихи гравиюры. Ветер гудел в башнях, трепетали флаги, будто змеиные языки, старый лес стонал за стеной, и какая-то птица протяжно и тоскливо кричала в этом лесу.

С лязгом распахнулись двери башни, и пятеро рыцарей вышли из них, закованные в доспехи с головы до ног.

– Ты пришел за мной? – спросила девушка, тонкая и хрупкая, с сонными глазами, выходя из-за их спин. Платье ее, белое, как цветы дремы, сливалось с белой кожей. Только волосы, невнятно-серые, портили образ. Глаза казались провалами в ночь. – Убирайся прочь, пока ты еще жив. Утром тебя будет искать каждый.

– Утро еще не настало, – сказал ворон хрипло.

– У тебя нет Голоса, – заметила Анна-Белл, людская кол-

дунья, дочь Баута. – Ты никто, и звать тебя никак.

Ворон напомнил ей мое имя, и гром в небе отозвался эхом. Анна-Белл равнодушно пожалала плечами и произнесла одно короткое слово.

Рыцари пошли ко мне, и я понял, что там, в доспехах, нет никого.

Мой меч был в крови, я почти не видел лезвия в темноте, но наносить удары мне это не помешало. Я раскроил щит ближнего рыцаря, вывернулся из-под удара палицей и снес ему шлем.

Он развернулся. Отсутствие головы никак не повлияло на него. Я отсекал руку второму, подоспевшему сбоку, присел в повороте. Металл подавался как бумага, не оказывал Стали никакого сопротивления. Подсеченные ноги перестали держать, и два рыцаря с грохотом повалились на камни. Безголовый развернулся, и я разрубил его от плеча до поясицы, а потом толкнул на землю. Он упал, роняя сапоги и перчатки. Их оставалось двое, и с ними я покончил быстро.

Был предрассветный час, и тени были глубоки и темны. Я посмотрел в такие же глубокие и темные глаза Анны-Белл.

– Ты пойдешь со мной, – сказал ворон, и Викл согласно фыркнул за моим плечом.

– Только если ты сможешь одолеть это, – ответила она.

Я проследил за ее рукой. В темном углу, между башнями, зашевелилось что-то, булыжные камни задрожали, вырываясь из мостовой, но не полетели в меня, как я ожидал, – си-

лы, видно, у колдуньи были не те, – а стали стягиваться в кучу вместе с мешками песка, какими-то оглоблями, тележным колесом и прочей рухлядью.

Камень скрежетал о камень, обручи от разошедшихся бочек катились по брусчатке, и зеленые искры пролетали над ними.

Весь этот хлам стал отрываться от земли, и я понял, что сейчас произойдет.

Голем, с каменными ступнями, тяжелыми кулачищами из мешков с песком, с плечами из бревен и колесом телеги вместо головы, пронизанный слабым бледно-зеленым световым шнурком, шагнул ко мне, и земля содрогнулась.

Он не был стальным, и я мало что мог с ним поделать, не владея Голосом.

Поэтому я прыгнул вперед, на ходу разрубая пополам ближайшего телохранителя Баута, и схватил того за руку, как только он бросился к двери, под защиту дочери. Он вывернулся, вцепившись в меня, и мы покатались по камням.

Шарахнулся Викл, спасаясь от голема.

Баут содрал с меня плащ, я оттолкнул его и выпрямился во весь рост, в помятом и закопченном светлом доспехе, прижав острие клинка к его горлу.

Все замерли. Я тяжело дышал, и стрела, пробившая когда-то мое сердце, покачивалась в такт моему дыханию. Перо я сломал, а острие так и застряло где-то внутри, не выйдя из спины. Иногда я чувствовал, как оно царапало доспех.

Я успел сказать тогда немного, прежде чем магия Бейми-

ша лишила меня голоса, и это были правильные слова. Жаль только, первое действовало лишь сутки.

Та битва окончилась на рассвете прошлого дня, когда кто-то из стрелков Беймиша пробил мне сердце почти навывлет. Мое заклинание делало любую опасную рану несмертельной. Разве что в давних книгах Хинги можно было найти нечто подобное.

Меня бросили, посчитав убитым. Я же отсрочил свою гибель на сутки. Хотя жить со стрелой в сердце было больно.

Будь у меня Голос, от проблемы не осталось бы и следа – за свою жизнь я получил множество смертельных ран, и они оставили лишь легкие шрамы.

Теперь же у меня было время лишь до утра, если не удастся увидеться со Зверем. И отобрать свой Горн.

– Анна-Белл, – сказал ворон тихо, – видишь, меня не так легко убить. Как твоего отца, например. – Я усилил нажим, и Баут побледнел еще больше, до призрачности. – Сложи этот хлам обратно.

В тишине прошла половина минуты. Потом девушка произнесла какое-то слово, и махина с грохотом рассыпалась по мостовой.

– Я одолел это. Теперь ты пойдешь со мной! – рявкнул ворон. Он тоже чувствовал мою злость и усталость.

– Ты пойдешь к башне Зверя?

– Да, и вызову его.

– У тебя даже Голоса нет.

– Ты мне поможешь. Ты колдунья.

Я поднял свой грязный плащ и накинул снова.

– Почему ты не взял Хингу?

– Потому что меч, которым убита Гейр, у тебя. Он нужен мне.

– Зачем? – удивилась Анна-Белл, видимо, подозревая, что меч не имеет отношения к ритуалу возвращения Голоса. – Как бы ты ни старался и что бы ни использовал, ты не вернешь Голос больше чем на полминуты, пока Горн у Беймиша.

– Ты идешь? – Ворон взъерошил перья. Едва заметно начинало светать, пахло холодным дождем.

– Да.

Она спустилась с крыльца.

– Дочь!.. – только и сказал Баут.

– Ты служишь Беймишу? И мог бы служить любому, занявшему Башню, – ответила ему Анна-Белл. – А он постарается занять ее, с нами или без нас. Раз уж он жив, то я пойду с ним.

Баут промолчал. Ворон тоже. Только Викл нетерпеливо подал голос. Дождь снова приближался, луна утонула в тучах у горизонта, и темный, глухой час перед рассветом окутал нас полностью. Я чувствовал прилив сил и уверенность, что путь будет недолгим.

Она приказала вынести меч, и я принял чуть изогнутый окровавленный клинок с великой осторожностью.

Я опасался дождя. Гроза, заходившая с востока, не была простой. Это была очищающая гроза после битвы, вызванная кем-то из имеющих силу, и потому такая медленная. А магически вызванный дождь мог и смыть магически закрепленную кровь. Нам надо было спешить.

Я вскочил в седло, посадив и прижав к себе Анну-Белл, и мы оставили Двор Баута, бывший Двор Гейр.

В отличие от Хинги, я не дал Бауту никакого обещания не возвращаться за ним.

Ночь истекала, но было темно – стена дождя неотвратимо шла за нами вслед.

Мы пересекли бурную реку, не встретив никого, потом попали в засаду – но нападающие были так медлительны, что даже не успели коснуться Викла, а я, убивая, не успел их разглядеть.

Дорога пошла в гору. Начались скалы, на которых стояла Башня Зверя, но я не видел ее за пеленой предутреннего тумана. Подъем стал совсем крутым. Виклу было все равно, а вот я едва удерживал Анну-Белл. Ворон летел рядом.

Мы поднимались в одиночестве, и наступила минута, когда я услышал далеко наверху пение Горна.

И мое раненое сердце похолодело, потому что я понял, что за мелодию он играет.

Беймиш сумел разобраться, как работает Горн. Это была песнь по мне. По моим вещам, если точнее. Звуки приказывали им рассыпаться в прах, и я ничего не мог с этим поде-

лать.

Выругался ворон, и я так и не понял, от себя или уловив мои чувства.

Хрустнул металл, и подкова со стального копыта отскочила и канула вниз. Викл захромал, сбавляя ход. Захрапел недовольно.

– Потерпи, – сказал ворон, – еще минута, и мы у Башни.

Со звоном отпала вторая подкова, запрыгала по камням, а за ней и третья. Конь застонал, карабкаясь по склону, и я хотел закричать, подбодрить его, но только растревожил ворона, снова присевшего на плечо. Прокл бил крыльями, пытаясь удержаться. А Горн все трубил наверху, за тонкой туманной пеленой, где обгорелая вершина Башни Зверя поднималась к мрачным небесам.

Анна-Белл молчала, вцепившись в меня.

Мы перевалили через край, и Викл, обессиленный, рухнул на колени. Я спихнул девушку на камни и встал во весь рост.

Молнии упрямо били в скалу. Ветер трепал изодранный плащ, когти продирались сквозь перчатки. Я снял их и отбросил их в сторону. Вытащил меч из ножен, глядя, как он тускнеет и теряет острый блеск кромок прямо на глазах, под пение Горна, слышимое даже сквозь непрерывный гром. Птицы на башне кричали, и мой ворон вторил им.

Я положил Сталь на камни, и меч треснул от этого прикосновения, истлевая, разваливаясь на куски. Все так. Мой

Голос имеет большую силу. Я заключил часть его – часть себя – в Горн, чтобы командовать всем, что подвластно мне, – армией, магией, силами, – с его помощью. Для меня разница была такой же, как между неуверенным жестом и четким письмом.

Ты предал меня, Беймиш. Тогда, еще не дожидаясь нашей победы, после гибели Гейр, ты предал меня и забрал Горн себе, лишив меня голоса.

Мне сейчас нужно сказать всего лишь несколько слов. И у меня есть такая возможность.

– Говори, – сказал ворон, объясняя Анне-Белл короткий ритуал, – одновременно со мной.

Я достал язык Дрейна и положил его себе в рот. Сталь резанула до крови, но так было еще лучше.

Мы произнесли это: я, языком кузнеца, ворон, повторивший слово из моих мыслей, и колдунья, имеющая силу.

И Горн замолчал.

Я взял второй меч, липкий от крови Гейр, и, отведя руку назад, ударил Анну-Белл в сердце, проткнув колдунью насквозь. Лишь одно имя я назвал и лишь одно слово добавил к нему. На языке, от которого горечь разлилась по всему рту и дрожь прошла по моим древним костям.

– *Восстань, Гейр.*

Там, в последней битве, опрокинувшей наконец людей, там, где мы раздавили с таким трудом проклятых рыцарей Солтуорта под их зелеными флагами, там пала Гейр, моя лю-

бимая, там предал меня Беймиш, завладев Горном, – и подчинив себе все наши силы, одержавшие уже победу.

Кровь Гейр потекла по клинку в сердце Анны-Белл, движимая древней магией. Пока у меня был голос, я мог многое. Пока у меня была власть творить заклинания, я был непобедим. Ни Беймиш, ни Хинга не могли равняться со мной по части заклятий, и тем более никто из жалких людских колдунов.

Анна-Белл закрыла глаза, и колени ее подогнулись. Открыла она их уже сине-стальными, со слепящей искрой. Гейр занимала ее тело, как сосуд; рвалось на плечах тесное платье; змеями заструились локоны, ниспадая на землю; менялись черты. Я осторожно вынул клинок из раны, и от Анны-Белл не осталось и следа.

Одна магия свершилась.

– Зве-е-ерь! – закричал я, чувствуя поднимающуюся силу. Так хорошо было чувствовать возможность говорить. – Зве-е-ерь!

Лишь одно слово добавил я к этому. Слово на языке, от которого сдвинулись камни в основании Башни.

– *Приди.*

Зверь, всегда живший внутри меня, проснулся, поднял свою длинную морду, зарычал. Скала задрожала под ногами. Древняя сила – не моя и даже не моих предков. Земля ушла вниз, и дымное небо приблизилось, когда сквозь боль плоти и костей я почувствовал, как он заменяет меня изнутри.

Мой единственный шанс на победу, единственный верный солдат, кроме Гейр. Моя другая сторона, от которой я начал свое восхождение и которая уберегла меня от окончательного падения.

Я разрушу вас, разрушу все, что создал. Вы не смогли достойно встретить победу, и никакой победы вам не будет.

Мне больше уже ничего не нужно, только Гейр, и она со мной. Но сначала свершится месть.

Я падаю на четыре лапы, доспех гнется, лопаются заклепки, и плащ отлетает серой тряпкой. Я поднимаю длинную морду, чувствую мокрым языком острые зубы, множество их. Мои мускулы полны силы. Это мой боевой облик, который у меня не было возможности вызвать, не имея Голоса.

Сейчас я не могу говорить, но скоро... Скоро.

Я запрокидываю голову, и Гейр взлетает мне на спину. Как в старые времена – я бы не сказал, что добрые, нет, но прекрасные, – когда мы вместе начинали этот путь. Когда это тело было моей единственной формой.

Гейр поднимает клинок и смеется. Гром вторит ей, всепожирающая стена ливня накатывает из-за края пропасти, и запах мокрой гари, такой сильный, радует меня.

Мы влетаем в ворота. Они идут нам навстречу. Их много, но...

В голосе Горна я слышу страх.

Во мне его нет.

Где-то за краем мира восходит солнце.

Долли

Засов был вроде крепкий, железный, но доверия не вызывал. На пальцах осталась липкая холодная влага и немного ржавчины. Долли вытерла руки о штаны, не переставая морщиться, осмотрела дверь еще раз. Плотно подогнанные доски, облупившаяся зеленая краска, косая зарубка как раз на высоте лица. Может, выдержит.

Она хотела еще раз потрогать засов, проверить, настоящий ли он, но решила не тратить времени. Ничего это не изменит. Нужно остаться здесь, бежать куда-то дальше тяжело, она давно устала.

Даньи заговорил что-то во сне, застонал, и Долли, моментально подскочив к нему, зажала ему рот. Еще чего не хватало, во сне разговаривать! Она и так успела услышать начало фразы, и волосы на затылке, казалось, зашевелились.

Волосы.

Долли посмотрела на свои руки в который раз, словно не веря, потом помотала головой. Даньи будто бы успокоился, затих, и она его оставила. Заметалась по комнате, сдернула какой-то ковер со стены, накрыла им беспокойно спящего мальчика, бросила охапку дров в печь, открыла заслонку, в два удара добыла искру. Дрова гореть не хотели, но она заставила. Потом уже зажгла лампу. Подумала, что могла бы просто плеснуть масла в печь, а не тратить силы, но теперь

уже было без разницы.

Ветер выл за стеной, как пес, потерявший след, совал голову в трубу, звал ее по имени. Ее и Даньи. Долли знала, что это только кажется, но все равно нервничала. Руки, сами ладони, покалывало.

Окошка было два, хорошо, что маленьких. Долли осмотрела оба, задернула одно, а второе, над лежанкой, оставила так. Некоторые на ее месте предпочли бы закрыть и его, но ей не нравилось, когда она не видела ничего снаружи.

Тени по углам выглядели неприятно; тревожно плавали, а иногда вздрагивали их края, гонимые отсветами пламени. А оно, казалось, освещало только само себя. Скрипело, упершись ветвями в дом, какое-то дерево.

До окраины оставалось еще слишком много. Разбудить Даньи она не имела никакого права, это было бы все равно что, например, пользоваться деньгами, которые тебе отдали на хранение. Неправильно. Ну и опасно, конечно, прежде всего для него. Сама бы она дошла, может быть, хотя сейчас тоже вряд ли рискнула бы. А со спящим мальчиком не стоило и пытаться – она не хотела видеть, как его съедят у нее на глазах, прежде чем примутся за нее. Хуже всего было то, что она осталась без ножа.

В домике его, конечно, тоже не было. Да и кто бы оставил его здесь? Тут вообще почти ничего не было. Хорошо хоть нашлись лампа и котелок. И мешок, который она успела захватить еще дома.

Теперь, когда бег закончился и наступила какая-то пауза, Долли занервничала. Время шло, Даньи метался во сне, а она никак не могла сообразить, что ей дальше делать.

Она остановилась посреди комнаты, чуть сутулясь. Как и всегда в таких случаях, надо было говорить быстро и не думая, и Долли глухо, скороговоркой, произнесла четверостишие, отмечая, как складываются в строки слова, которые она не успела осознать:

Выйду я на улицу,
Там поймаю курицу,
Принесу ее в мешке,
Испеку ее в горшке!

Как обычно, жуть тронула шею на последних словах, но теперь, по крайней мере, было ясно, что следует предпринять. Эта магия еще ни разу не подводила, и Долли знала, что нужно делать. Именно то, что она произнесла в этом спонтанном стихотворении.

И правда, без еды действовать дальше было бы опасно и самонадеянно. За Даньи она не так волновалась, но и его, спящего, надо было покормить хоть бульоном. Если же она сама свалится без сил, то погибнут они оба. В Лесу силы всегда кончаются быстро.

Выйти сразу ей не удалось. Она по привычке на секунду замерла перед дверью, прислушалась и отступила, услышав то, чего и опасалась. Впрочем, это было временное препят-

ствие – во всяком случае, если она правильно определила шаги.

Они, широкие и тяжелые, приблизились. В окно она по-прежнему никого не видела и оттого немного нервничала. Засов никого не удержит, если тот – или то, – что передвигается такими шагами, захочет открыть дверь. Долли полагалась не на засов.

Большая тень, плохо видимая в темноте через грязное стекло, накрыла наконец окно, остановившись. Голова в меховом капюшоне, крупнее оконного проема, наклонилась. Мутно блеснул глаз среди черных морщин.

– Кто здесь? – спросил гигант хриплым шепотом. Глаз безумно и отстраненно вращался в глазнице. Выл ветер.

– Нет, нет здесь никого, – уверенной скороговоркой ответила Долли.

Существо разогнулось, кряхтя, удовлетворенное ответом, и, как она и надеялась, пошагало дальше.

Только тогда она перевела дух. Быстро поправила покрывало на Даньи, который опять начал было говорить опасные вещи, подхватила свой холщовый мешок и, взявшись за стылый шершавый засов, с шорохом отодвинула его.

Лес встретил ветром, бросил в лицо мокрый, пахнущий плесенью лист. Лунный свет, дымчатый, холодный, блуждал по корявым деревьям, мгла клубилась над Лесом, и дыхание Долли обращалось в пар. Никого не было, хотя все время казалось, что кто-то есть. Ветер иногда в голос ревел в рас-

щепленной, сломанной верхушке ближнего дерева; редким дождем падали последние листья.

Долли закрыла дверь снаружи на крючок. Больше она ничего не могла поделывать, только от души надеяться на то, что за пять минут никто не появится – никто такой, кому достанет ума открыть дверь, не спрашиваясь. Все же опушка не близко, тут случалось всякое. Но делать было нечего, тем более что после стишка прошло не так много времени.

Сколько его вообще минуло с начала ходки, Долли представляла слабо. Но ее беспокоило сейчас не время, а, скорее, расстояние. По любым прикидкам, оно было слишком большим, чтобы преодолеть его без происшествий.

Ненадежный кров избушки вовсе не гарантировал, что они доживут до утра, но и бежать дальше, без ножа и без сил, она больше не могла. Если бы Даньи проснулся в Лесу ночью, это могло бы означать конец не только надеждам на гонорар, но и конец карьере, а то и безумие для самого Даньи. Хотя, конечно, Долли не отрицала, что соблазн разбудить его был. Он вполне мог просто, без последствий, очнуться ото сна, и они убрались бы отсюда в два раза быстрее.

Слишком часто это стало повторяться, подумала Долли. Слишком часто. Сжечь здесь все, да и дело с концом. Вместе со всеми пропавшими. Все равно...

Ее передернуло от недавних воспоминаний, от вопля, с которым убегала в Лес гротескная ломкая тень. Предсмертного вопля, за которым не последовало смерти. Она уже бы-

ла – раньше, задолго до того, как нож Долли вонзился под выпирающую ключицу.

Стоять на месте долго было нельзя – она и так произнесла четверостишие уже довольно давно, и сила случайностей начинала таять. Такие вещи – всегда предсказания ближнего прицела. Поэтому Долли побежала вперед, не разбирая дороги, пока остатки транса еще не прошли и можно было надеяться, что все случится само. Она жалела, что ей пришлось пережить того, кто прошагал мимо, – не вовремя она потеряла минуту, ох как не вовремя. Впрочем, в Лесу ничего не бывало вовремя, здесь все длилось вечно. С тех пор как случилась Бойня – среди этих деревьев, которые в те времена были не толще, чем ее талия. А теперь стояли столетними гигантами, вцепившись в проклятую землю узловатыми корнями. Долли однажды задумалась над тем, что не может распознать их пород. Ни одной.

Но сейчас она не думала ни о чем. Она бежала, бежала, один раз только сделав крюк, когда в истлевшей петле далеко наверху увидела останки скелета и не захотела пробегать под ними. «Ты идешь *над* костями, Долли, и этого уже достаточно. Не ходи *под* костями, это плохая примета», – вспомнила она слова Джетту. У него было больше опыта, и он лучше знал приметы Леса. Так что Долли могла ему доверять.

Она мотнула головой, отгоняя мысли о нем. Не сейчас. Сейчас ей нужно действовать.

Она уже подумала было, что упустила время и никакой

зайти далеко.

Теперь ветер дул в спину, но плотно стянутые волосы не растрепались и не лезли в глаза. Хотя туман и листья закручивало как-то с заворотом, скрывая тропу, и Долли все время боялась, что картинка начнет распадаться, как это бывало, и она собьется с дороги. Она старалась даже не моргать, но не могла.

...Даньи хватились уже ближе к полуночи. Мальчик и раньше иногда ходил во сне, но все думали, что зов ночного леса станет для него опасным не раньше шестнадцати, а к восемнадцати сойдет на нет. Как выяснилось, они промахнулись больше чем на четыре года. Такое тоже случалось, но редко. А вот сегодня ночью решило случиться.

Далу, мать Даньи, постучалась в ее дом в сопровождении двоих мужчин, с факелами в руках. Они не выбирали, просто из свободных ходоков Долли жила ближе всех.

Она не тратила слов на вопросы, просто заправила волосы под высокий вязаный воротник, прицепила нож к поясу, зашнуровала ботинки и, захватив мешок и накинув кожаную куртку, бегом поспешила к околице. Ее пропустили, конечно, кого, как не ее. Все думали, что она справится.

Теперь, когда Долли бежала через шевелящийся в лунном свете туман, ощущая затылком чье-то присутствие в темноте, она, как всегда в такие моменты, жалела, что с собой нельзя брать много оружия. Ей – нельзя. Чем опаснее вещь, тем опаснее последствия. Долли, с ее не таким уж большим опы-

том, не могла взять с собой ничего серьезнее ножа. Вот Бренда однажды не послушалась, взяла топор. И ее можно понять: все было быстро и страшно, руками она бы не управлялась. Но не повезло. До опушки она почти дошла, ее нашли близко. Топор забросили в Лес.

Это Джетту мог носить на спине палаш, не опасаясь, что оружие обратится против него. Долли – не могла. Лучше всего, конечно, идти в Лес с голыми руками – тогда ни с кем почти ничего не случается, – но так тоже нельзя. Потому что, если случится, выбора не будет.

Нужно сходить к Рюге, подумала она. Обязательно еще раз сходить.

Ветка чуть не выколола Долли глаз, и она инстинктивно зажмурилась на мгновение. Смахнула сор со лба и, к своему облегчению, увидела впереди, в конце тропинки, немного косую избушку под изувеченной пятерней огромного голого дерева.

Долли очень хотелось обернуться, но она не стала. Нет там ничего. Нет. Было уже, хватит на сегодня. Худое подвижное тело, руки с отросшими ногтями и танцующие, цепкие, длинные волосы.

Волосы.

То была какая-то из старых неупокоенных – не самых старых, не с Бойни, но и не из пропавших ходоков. Про Волосы рассказывали еще тогда, когда и ходоков-то почти не было. Как и про Пустой Шлем, Кобылью Голову, про Ножа, это

была часть тех самых слухов, в которые никто не хотел верить, но приходилось. И сегодня Волосы чуть было не отняла у нее Даньи.

Они пытались бежать, но женская фигура, подвешенная на собственных оживших, перебирающихся по ветвям волосах, догнала их быстрее, чем Долли рассчитывала, и тогда она вытащила нож. Ножом она владела хорошо, и, наверное, это их и спасло – это и то, что Даньи, кричащий какие-то ужасы, которые Долли изо всех сил старалась не слышать, поперхнулся слюной и на несколько секунд затих, и Волосы промедлили.

Долли ударила ее ножом лишь раз, всадив лезвие под ключицу. Большого и не требовалось, удар был смертельный, только вот убить неживое никак нельзя. Но все же и неживое оказалось уязвимым – с воплем, с лунными бликами на сухих зубах Волосы отшатнулась и, мотаясь из стороны в сторону, растаяла во тьме, оставив лишь шлейф эха и унося вырванный из ладони Долли зазубренный боевой нож. Эхо постепенно распалось на несколько голосов, и, конечно же, Долли стало казаться, что они разговаривают между собой, но к тому времени она уже бежала через Лес со спящим Даньи на руках. Спящим и молчащим.

...Пока все эти картины крутились у Долли в голове, она дошла до избушки. Дошла – бежать уже не могла, она потратила за сегодня много сил, таская не маленького уже Даньи, и, понятно, ничего не ела с самого ужина. А он был уже дав-

но – стоял ноябрь, осенью она всегда ложилась рано.

Крючок на двери был. Насколько Долли помнила его положение, он оставался не потревоженным. Она откинула его и вошла.

Избушка встретила ее темнотой и запахом стерильности, какой-то непонятной, словно она была построена из окаменевшего сотню лет назад дерева. Впрочем, со временем тут иногда было что-то не так, равно как и со всем остальным. В Бойне шли в ход все средства, и чудовищная магия, раздиравшая здесь мир больше ста лет назад, все еще висела над Лесом. Мешанина из заклятий, проклятий, контрвыпадов и призывов, многие из которых не применялись ни до Бойни, ни, тем более, после нее. Территория была загрязнена магией, и уничтоженные маги бродили среди стволов наравне с созданными или вызванными ими существами, не находя покоя. Сколько в них оставалось разумного, не сказал бы никто. Долли надеялась, что несколько, и боялась, что ошибется.

Даньи спал. Долли задвинула засов за собой, посмотрела на него. Сгорбился под грязным ковром, на лице застыло не то злое, не то испуганное выражение. Еще бы, столько часов подряд видеть кошмары без возможности проснуться.

Огонь погас. И в очаге, и в лампе. Скучный свет луны едва проникал в комнату.

Долли поставила мешок с птицей на пол. Шорох ткани и перьев почему-то только подчеркнул выхолощенную тиши-

ну. Долли хотела посмотреть в окно: неужели так резко стих ветер? И отчего-то побоялась обернуться.

Расплакался за спиной Даньи. Она хотела броситься к нему и утешить, но вдруг поняла, что он плачет не испуганно или жалобно, а, скорее, капризно, будто притворяясь.

– Курица смотрит на меня-я-я... – сказал он глухо, неприятно растягивая слоги. – Кудахчет.

– Даньи? – шепотом спросила Долли, медленно поворачивая голову.

– Нет, – сказал он сквозь всхлип. – Я хочу это съесть, я, я! Нужно было заставить его замолчать. Долли обернулась.

– Я! – крикнул он тонким противным голосом.

Лицо его сморщилось, он вдруг показался Долли на два или три года младше, чем был. Окно, раньше дававшее прекрасный обзор, теперь почему-то запорошило пылью, и Долли вдруг вспомнила, что ковер вовсе не был таким грязным, когда она накрывала им спящего.

– Куриная голова в человеческом желудке, – сказал Даньи. – Это вкусно. И красиво. – Он засмеялся. – Или твоя голова, Долли?

Если бы он не назвал ее по имени, она поняла бы на несколько секунд позже, но сомнамбулы, какой бы бред ни струился через их речь, никогда не осознавали, что говорят. А этот сознавал.

Ветка. Скотская ветка по глазам. Она все-таки сбилась с пути. Это не та хижина, это не Даньи, это не то место в Лесу.

Долли бросилась к выходу, и существо с лицом Даньи подпрыгнуло на лежанке, кутаясь в грязную холстину, как в одеяло. Она увидела, что его тело в полтора раза меньше, чем у Даньи, и только голова почти того же размера. Оно открыло глаза, белые, мутные, и окончательно потеряло детский облик – кожа обвисла, как тряпка.

– До-ол-л-ли-и-и... – сказало оно.

Она пинком швырнула в него мешок с курицей и рванулась к двери, обеими руками дернув засов. Он оторвался вместе с гвоздями, дверь, вместо того чтобы распахнуться, проломилась, как картонная, и Долли вывалилась наружу, в палые листья и валежник.

Позади хрустело костями. Она вскочила и побежала прочь, жалея, что у нее не было ножа; иначе она вернулась бы. Но ей оставалось только бежать от разваливающегося домика.

Что это – ловушка времен Бойни или забавы какой-то навечно застрявшей здесь твари, – она не знала. Отличить было сложно. Долли сбилась с дороги, потерялась в лесу и, конечно, попала туда, куда хотела прийти, – в избушку к Даньи. Что-то считало все образы из ее мыслей почти в точности, хотя и не совсем, и она поверила. Теперь оставалось лишь надеяться, что существо удовлетворится курицей, а она выберется к настоящей избушке достаточно быстро, чтобы застать Даньи живым.

Хорошо хоть ей не показалось, что она вышла к опушке.

Там бы она уже вряд ли смогла бы быть настороже. Хотя, конечно, обман распознала бы, пусть чуть позже – избушка с самого начала выглядела как во сне. Просто Долли устала и не сразу поняла. Просто устала, утешала она себя. Настолько, что на секунду задумалась, а не воспользоваться ли подарком Рюге и не вернуться ли к скотине, сожравшей их с Даньи еду?

Но она не стала этого делать. Если бы она была склонна к таким решениям, то никогда не стала бы ходоком. Вернее, стала бы – на одну-две ходки, как та молодежь, что шляется здесь после заката. Та, которая уже не вернется, даже если и вправду ходит меж стволов, а не висит, ободранная до костей, в кронах деревьев, и не лежит под тонким слоем листьев меж корней, пронзивших глазницы и опутавших руки.

Она вдруг узнала местность – оказывается, ошиблась всего ничего, взяла немного правее. Наверное, сбилась уже на самом подходе. Говорил же Джетту, глядя на нее сверху вниз: не отводи глаза. Никогда не отводи глаза от дороги. А она отвела.

«Где ты, Джетту? – подумала Долли. – Где ты и где я?»

Спустя минуту она различила впереди избушку. Но перед этим, глянув под ноги, вдруг увидела слабый светящийся след. Босой и не очень-то большой.

Она испуганно отдернула ногу – хорошо хоть не наступила, а то кошмары снились бы не меньше месяца. Здесь оставаться нельзя, плохое место. Если уж тут призраки ходят, то

никакие стены не спасут.

Долли обошла след и поспешила к покосившемуся дому. Этот точно был настоящим – теперь, придя в себя, она настолько же явно отличала оригинал от подделки, как полностью проснувшийся человек отличает явь от недавнего сна. Может быть, скоро утро, подумала она. Ветер сдержанно засмеялся в ответ.

Крючок был на месте, камин тлел, Даньи спал. Долли задвинула засов и села на пол – не у двери, конечно, у стены. Она потеряла кучу времени и сил, а еще с трудом добытую еду. Можно было куда и не ходить.

Она сидела так несколько минут, потом приняла решение. Ждать до утра нельзя. Еды ей добыть не удалось, и к рассвету она ослабеет настолько, что может и не вывести Даньи. Все ходоки к утру давно уйдут домой, если только в Лесу есть сейчас кто-то из живых людей, кроме нее. Кроме того, встречать рассвет в Лесу – плохая примета, это всегда заканчивается странно. Рисковать своим разумом Долли все же не хотела, а разумом Даньи тем более – даже утром пробуждение в Лесу могло свести его с ума.

Нужно было уходить.

Она встала, заставила погаснуть огонь. Размяла кисти рук. Посмотрела на небо сквозь темное стекло. Сняла куртку, осторожно убрала со спящего Даньи ковер, завернула мальчика в свою куртку и взяла на руки. Было уже совсем холодно, а он ушел в Лес в одной домашней одежде.

Она отодвинула засов локтем – на самом деле он не очень-то и держал – и вышла в ночь. Закусив губу, кое-как, тоже локтем прижала к стене и подняла дверной крючок. Отпустила. Он попал в скобу, и Долли, отвернувшись, как могла быстро пошла по направлению к городу.

Между событиями в Лесу всегда проходит какое-то время, и сейчас у нее было окно. Она понимала, что идти еще далеко, но не настолько далеко, чтобы считать это невозможным. Долли, может, и осталась бы, пусть даже тот, с железными зубами, прошел совсем рядом. Но вот поддельный Даньи испугал ее не на шутку. И призрачный след тоже. Нужно было уходить из этого места, слишком уж беспокойного, перебираться поближе к опушке. Все равно выбора, по сути, не имелось. Она понимала, что вряд ли сегодняшняя ночь закончится для нее хорошо, поэтому постоянно двигалась, действовала – чтобы не признаться самой себе, что переоценила свои силы и что, скорее всего, ни ее, ни Даньи никто больше не увидит. Нет, увидит, конечно, – ее тело, бесцельно бродящее по лесу в неутолимой жажде, а если гибель будет милосердна – ее или Даньи кости, засыпанные листьями, или забитые в дупло, или развешанные по деревьям над головой. Кто знает. У нее была одна маленькая надежда на благополучный исход – то, что она теперь шла без ножа. Но в случае прямого столкновения с каким-нибудь порождением или жертвой Леса она была безоружна. Оставалось надеяться на Рюге, но кто его знал, как поведет себя рисунок.

Долли шла как могла быстро, думая о разном и стараясь не оглядываться. Она надеялась больше никого не встретить, но понимала, что это почти невероятно.

От постоянной спешки ей в конце концов стало казаться, что она и правда убегает от кого-то конкретного. Она поймала себя на этом, когда в третий раз нервно оглянулась назад. Горячий пот тек по телу под одеждой, но кожа тут же замерзала. Дыхание сбилось, облака пара, разрываемые ветром, застилали глаза. Лес трещал и шатался.

У нее кончались силы. Даньи впал в глубокий сон, лишь изредка постанывая, и, казалось, потяжелел в полтора раза. Нервы устали не меньше, чем мышцы. Какая-то беспросветная, давящая, самоубийственная тревога и жалкое, всхлипывающее раздражение навалились на нее, выкручивая руки и выжимая ненужные слезы. Излучение магии, грязное, неочищенное. Обычно оно действовало не так сильно, но сегодня Долли слишком устала. Гораздо легче выносить из Леса всякий хлам, чем выводить живых людей.

Судорога схватила мышцу, и ей захотелось бросить Даньи на землю и зло расплакаться, молотя землю кулаками. Да это же нервная лихорадка, вдруг поняла Долли. Лесная болезнь. Вот еще не хватало.

От понимания причин стало легче, но идти дальше она не могла. Последствие грязного лесного фона, лесная болезнь, валило с ног быстро и минимум на три дня. Суставы болели, как при тяжелом ревматизме, нервы были на взводе, иногда

пропадало сознание. Бред, конечно, куда без этого – не такой страшный, как у попавших в Лес сомнамбул, но веселого тоже мало. Лучше любой грипп, подумала Долли. Еще и Даньи может заразиться.

Она хотела опустить его на землю, но потеряла равновесие и упала. На локти, так что лязгнули зубы. Правый локоть обожгло огнем, она отпустила Даньи и раздраженно выдернула руки. Губы пересыхали, быстро, глаза начинали гореть, как при простуде. Она взглянула на локоть. Так и есть. Ссадила. Рукав продрала.

Отодвинув Даньи в сторону, она увидела, что поранилась о чей-то пробитый череп в истлевшем железном венце. Рассыпанные фаланги пальцев, перемешанных с лесным сором, держали проржавевшую рукоять с обломком лезвия. Бойня давно уже закончилась, а кровь все льется, нервно подумала Долли, оглядываясь по сторонам. Кровь в Лесу – это плохо. Лучше бы ей было не разбивать локоть. Кровь и кости. Ну да ладно, нужно идти дальше – первый приступ отхлынул, как грязный прилив, и она знала, что до следующего у нее есть еще час. Потом, до третьего, – полчаса. Последующий приступ будет отделять от него только пятнадцать минут, затем перерыв сократится до семи, после того – до трех, а потом ее просто перестанет отпускать.

Час. До опушки. С Даньи.

Никогда.

Она решила, что пройдет сколько сможет, потом разбудит

его. Вначале, перед встречей с Волосами и немного позже, было легче: Даньи мог ходить сам, хоть и медленно. Требовалось только подталкивать его в правильном направлении. Но он был просто ребенком и быстро устал, впав в более глубокий сон, и ей пришлось нести его, пока они не увидели ту проклятую избушку. Только потеряла время и силы, снова подумала Долли. И покормила какую-то тварь.

– Я не могу встать, значит, за тобой придет другой. Я не могу встать, значит, за тобой придет другой. Я не могу встать, и за тобой придет другой, – опять заговорил Даньи, тихо, монотонно, своим сонным детским голосом, и Долли в отчаянии сжала зубы.

– Замолчи! – прошипела она.

– Я не могу, и придет другой. Придет.

– Замолчи!

– Придет.

– Да замолчи же ты! – взмолилась Долли. – Я знаю, что придет, а если ты не замолчишь, то придет быстро.

Кровь капала в листья, оставляя отметины. Надо бы забинтовать.

Череп зашевелился, застучал зубами, на большее его не хватало. Лес костей, с усталой ненавистью подумала Долли. К ненависти странным образом примешивалось сожаление. Лес на костях, кости на ветвях. Гибель породила это место, гибелью оно и живет. Сейчас за ней, утратившей телесную целостность, придет кто-то из потерявшихся, из тех, кто еще

способен ходить, раз уж потревоженные ею кости бессильны. Кровь, попавшая на череп, впиталась. Долли оторвала вязаную манжету, которую сама когда-то пришивала к рукаву, и перетянула рану. Свитер было жалко.

Ветер стал тише, туман как-то рассеялся, и от этого стало совсем темно. Долли поняла, что на нее смотрят, и, оставив попытки поднять Даньи, повернулась к лесу. Уставшие глаза различили медленное, пьяное движение в холодной дымчатой темноте.

Далеко. Можно еще оторваться. По крайней мере, это просто потревоженный мертвец, а не какое-нибудь чудовище. Хотя где один, там и второй. А тем более в Лесу. Тяжелое наследие Бойни.

Долли взяла мальчика на руки и быстро, как могла, пошла прочь от смутно видимой упорной фигуры. Лучше действовать, чем бездействовать, учила ее когда-то Бренда. Еще до того, как Джетту сказал ей то же самое. Бренда, которая собственноручно зарубила себя топором.

О, если бы у Долли были револьверы! Несомненно, она стала бы лучшим ходоком. Но, кроме бешеной цены, револьверы отпугивали еще и тем, что у нее не было опыта, позволяющего ходить по лесу с серьезным оружием.

Силы кончались, мысли путались, и, когда нога в ботинке внезапно подвернулась, у Долли не хватило сил выровняться и она просто осела в листья.

– Тлен, – сказал Даньи с печалью в голосе.

Он прав, подумала Долли. Здесь все – тлен.

Деревья здесь были очень высоки, уходили вверх, терялись в поднимавшемся тумане. Впереди была возвышенность, и Долли, которой вдруг показалось, что она понимает, где они находятся, полезла наверх.

И увидела старую неширокую дорогу, которую сразу узнала. Отсюда до опушки было часа полтора пешком. В одиночку.

Что-то привлекло ее движение на дороге, и она резко повернула голову. По дороге бежал кот, светлый, чуть полосатый и, вероятно, рыжий, хотя сейчас цвета было не разобрать. Он увидел Долли, на мгновение замер, подняв лапу, и, уже чуть медленнее, пошел к ней.

Она оглянулась на чащу. Даньи лежал в полутора метрах внизу, у подножия склона. Вдалеке какая-то тень прыгала с дерева на дерево, крупная, не меньше человека, но к ним вроде не приближалась. А вот тело, идущее за Долли по пятам, уже было совсем близко.

Приваливаясь к стволам, мешковато и неторопливо к ней брел человек в черной одежде, с черными впадинами глаз и незакрывающегося рта. Длинные оборванные застёжки на рукавах и внизу штанин колыхались на ветру, как стяги. Развязанные шнурки волочились следом, ветви хрустели под тяжелыми подошвами кожаных сапог. Мактал, узнала Долли. Полгода назад он не вернулся из своей ходки – обычной, коммерческой. А теперь вот шел к ней, чтобы и она тоже не

вернулась.

Она некстати подумала, что сегодня даже не обращала внимания на хлам. Хотя могла бы что-нибудь найти и заработать, все-таки глубоко заходила.

Нужно вытащить Даньи на дорогу – Мактал был уже близко. Лес послал его вместо неподвижного рассыпавшегося скелета, так было всегда: потревожив мертвых в лесу, ты не мог надеяться на то, что они не потревожат тебя. Плохо, что она не одна и ей нездоровится.

Что-то показалось сбоку в поле зрения, и она вздрогнула. Кот. Совсем забыла.

– Долли? – спросил кот. – Тебя зовут Долли?

Тонкий, мяукающий голосок имел абсолютно человеческие интонации. Долли посмотрела на него. Так и есть: зрачки кота совсем округлились и делали его глаза совсем похожими на людские.

– Клайд? – спросила она?

– Да, – ответил кот. – Ты меня знаешь?

– Ну, ты самый известный из тех, кто так умеет. А ты откуда знаешь меня?

– По слухам.

Клайд спал сейчас где-то в городе, отдав часть своего сознания и разума телу кота, и таким образом мог ходить на разведку, рискуя только психическим здоровьем, а не телесным. Таких, как он, было мало.

Насколько Долли знала, разум кота сейчас дремал в мозгу

настоящего Клайда, в освобожденном месте.

– Ну вот, будем знакомы, – сказал Клайд. – Я вижу, у тебя проблемы?

– Да. Я потеряла нож – ударила им Волосы. Это Даньи, он ночью ушел в лес, и я пошла за ним.

– Рано. Маленький, – задумчиво произнес Клайд.

– Вообще, – кивнула Долли. – Слушай, у меня нервная лихорадка, ты осторожнее рядом со мной.

– Котам не передается, – повел хвостом Клайд. – Нужно вытаскивать малого, раз оружия у тебя нет.

– Да, рано или поздно он нас догонит.

Скорее рано, подумала она – до преследующего их тела оставалось метров двадцать, не больше.

– Подожди здесь, я сейчас, – сказала Долли и соскользнула по склону.

Она собиралась взять Даньи на руки и как-нибудь вынести его на дорогу – скорее всего, там ей пришлось бы потревожить его глубокий сон, чтобы он мог идти пусть медленно, но сам. Риск был велик, но с мальчиком на руках она теряла выигрыш в скорости – усталость и болезнь делали свое дело, ну и голод, конечно. Долли жалела, что не успела как следует собраться перед выходом, – в ближайшие дни делать ходки она не намеревалась, и, когда мать Даньи разбудила ее, рюкзак не был сложен. Ошибка, подумала она. Больше я так не поступлю.

Запас времени у нее был, и все-таки Долли, взяв спящего

мальчика на руки, оглянулась. Но, несмотря на увиденное, уже ничего не могла поделать.

Забыв человеческие слова, по-кошачьи заорал Клайд, и крик его перешел в шипение. Низко зарычал во сне Даньи. Долли застонала.

Всего в десяти метрах позади Мактала спирали темноты и тумана, которые гонял ветер, стали обретать формы. Паутинные серебристые кромки блеснули во мгле, очерчивая контуры загнутых когтистых лап, и из туманного медленного вихря проступила гротескная фигура, вдвое выше Долли, с заломленными очертаниями торса, конвульсивным кнутом хвоста и безглазой, неразличимой пока еще головой. Клекот, размноженный эхом, осколками рассыпался по лесу, и сквозь внезапные слезы Долли увидела, как чудовище, какой-то из древних нечеловеческих солдат Бойни, призванный и никем не отпущенный, шагнул по листве, опираясь на загнутые пружинящие когти, и второй конечностью взял Мактала за голову, нарезая плоть, кость и остатки мозга, словно тыкву, на бескровные уже ломти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.